

An illustration of a man and a woman on the rigging of a ship. The man, on the left, has dark hair and is wearing a green suit with a striped vest and a gold tie. He is holding onto a rope with his right hand and a green apple in his left. The woman, on the right, has brown hair and is wearing a brown flight jacket over a white turtleneck. She is holding onto a rope with her right hand. They are both looking upwards. The background is a blue sky with white clouds. The ship's rigging, including ropes and metal bars, is visible.

МАРИЯ РУДНЕВА

ЭТОТ ПОЛЕТ
РЕШИТ СУДЬБУ
СТРАНЫ

МИРТ
ХОЛМЫ КАЛЕДОНИИ

Мария Руднева
Мирт. Холмы Каледонии
Серия «Изобретая реальность.
Романы М. Рудневой»
Серия «Приключения
мистера Мирта», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69538951
Мирт. Холмы Каледонии: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-190776-1

Аннотация

Роман Марии Рудневой придется по душе поклонникам творчества Жюль Верна и истории Гая Фокса.

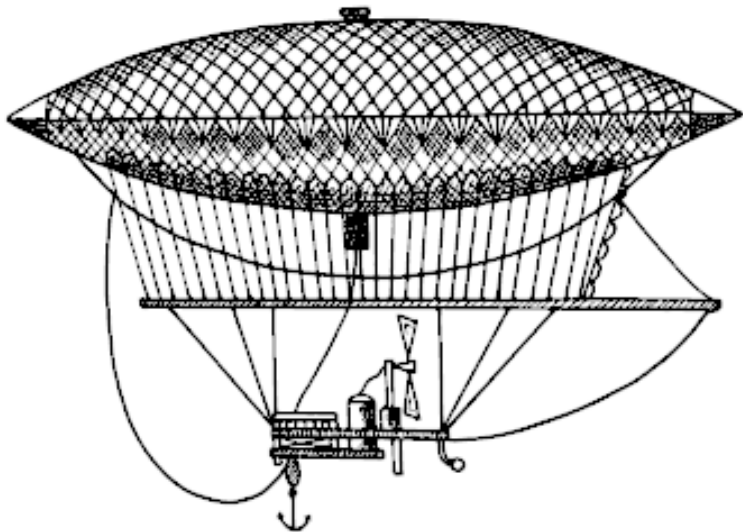
Авантюрно-приключенческий роман, где гармонично сочетаются стимпанк и альтернативная Викторианская Англия. А еще на страницах книги можно встретить фэйри!

Ученый и изобретатель Габриэль Мирт готов представить публике свое новое творение – дирижабль! Вместе с верной спутницей Амелией Эконит ему предстоит преодолеть расстояние от Лунденбурха до Эденесбурха и тем самым снова вписать себя в историю Бриттских островов!

Однако не все так просто – у мистера Мирта есть не только амбиции ученого, но и долг перед Британией, и путь ведет его в таинственные Холмы Каледонии – убежище фаз, давно покинувших человеческий мир.

Содержание

Часть I	6
Глава 1. О дирижаблях и паровых машинах	9
Глава 2. Навязанный свидетель	22
Глава 3. Неочевидные перспективы	41
Глава 4. Общество любителей карикатур	61
Глава 5. Хрустящая розовая тафта	79
Глава 6. Яблоки и тайны	101
Глава 7. Нелегкая доля репортера	114
Конец ознакомительного фрагмента.	124

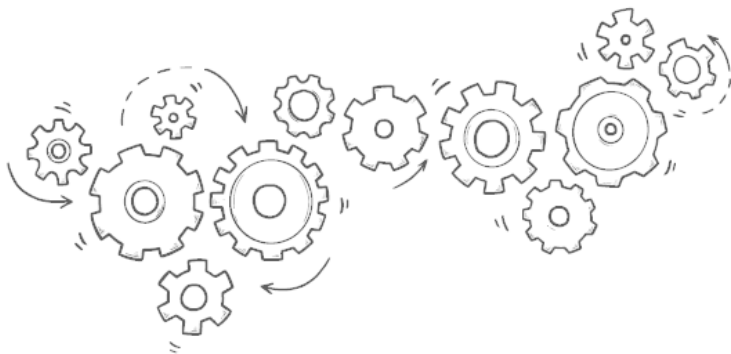

Мария Сергеевна Руднева Мирт. Холмы Каледонии

© М. Руднева, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть I

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ЭВАНА УОТЕРСА

ЛУНДЕНБУРХ, март, 18 год**

...понятия не имею, во что ввязываюсь!

Получив прямое распоряжение мистера Фэйгриса разузнать как можно больше о новом изобретении прославленного мистера Мирта, я отправился в самое отвратительное из всех возможных путешествий. По небу, вообразите себе, на чудовищном паровом монстре под названием «дири-

жабль»!

Проклятый мистер Габриэль Мирт!

Все-то ему удается и ничто не выходит боком. Ходят слухи – о, от каких лиц получены эти сведения, с полным запретом на публикацию где-либо, – что он в одиночку спас Правительство Бриттских островов от покушения. Ну, та история с сошедшей с рельсов паровой машиной, ее пару месяцев смаковали все периодические издания, включая журнал об искусстве и «Вестник механика».

Теперь в Каледонию в спешке прокладывают рельсы, а в ангаре, закрытом до следующей Ежегодной выставки достижений, вовсю идет строительство новых паровых машин. А сам мистер Мирт, поговаривают, остыл к своему детищу и появляется в ангарах от силы раз в неделю, чтобы инженеры и механики могли задать ему вопросы по чертежам.

Сам же он проводит все свое время где-то за городом. Купив небольшой участок земли, он переоборудовал заброшенную ферму под свой новый изобретательский полигон.

И придумал он, ни много ни мало, машину, способную летать по небу! Ди-ри-жабль, в дрожь бросает от одного этого слова.

Мне надо навязаться ему в сопровождающие на первый полет.

А меня воротит с одной его рожки с вечной улыбкой. Смотрит своими серыми глазами в душу, брррр. «Приходи-

те, говорит, мистер Уотерс, как закончу. Не могу, говорит, раньше времени показывать свою работу!» А откуда же тогда мелкие газетенки вроде «Вестник Лунденбурха» прознали об этом раньше всех?

Здесь еще и постоянно вертится эта дамочка, Эконит, вторая причина для повсеместных сплетен и досужих разговоров. Она, значит, стала первым в истории машинистом, но кататься до Каледонии и обратно расхотела!

Говорят, теперь она обучает на специальном аппарате своих феминистически настроенных товарок! Это, выходит, каждый паровоз будет вести женщина? Никто не думает о безопасности на- ции!

И эта Эконит на таком хорошем счету, что мистер Фэйгрис запретил мне публиковать фельетон о том, что она, будучи не замужем, все время проводит на ферме с подозрительного вида холостяком! Наша секретарша мисс Риджсенс убеждена, что Мирт и Эконит пожениятся до конца года. Кажется, даже с кем-то заключила пари.

Страшно представить, что это будет за семейка!

Однако же я выяснил адрес фермы, где мистер Мирт занимается своими изобретениями. И придется мне наведаться туда и как следует постараться очаровать его. Если не попаду на борт дирижабля, мистер Фэйгрис снимет с меня шкуру и сделает из нее ковер!..

Глава 1. О дирижаблях и паровых машинах

Мистер Габриэль Мирт всегда просыпался рано – как правило, оттого, что какая-то идея приходила к нему во сне и требовала немедленной реализации. Потому возле его кровати было свалено бесчисленное множество чертежей и записных книжек, а чернильница и перьевая ручка лежали на тумбочке в изголовье кровати. Иногда мистер Мирт записывал мысль, ворвавшуюся в голову, не до конца проснувшись, а потом с интересом изучал получившиеся каракули, стараясь разгадать собственный почерк.

Вот и сейчас – первые рассветные лучи только коснулись пыльных окон особняка, увитого густым плющом, а мистер Мирт уже сидел на кровати, накинув поверх пижамы мягкий бархатный халат, и пытался разобрать, что записал в ночи.

– Нет, это невозможно, – возмутился он, когда острое перо ручки проткнуло бумагу насквозь. – Так совершенно невозможно работать!

– Утро, – в спальню заглянул Поуп. – Готовить?

– Утро, – вздохнул мистер Мирт, с досадой отбрасывая в сторону исписанные листы.

Горгулья-дворецкий осторожно протиснулся в комнату, неся в руках таз с холодной водой для умывания и чистое полотенце.

Мистер Мирт поднялся с постели, скинул халат и верхнюю часть пижамы и подошел к туалетному столику. Ежедневная рутина мало занимала его. Каждое утро он делал одно и то же, как и все лунденбургские джентльмены, – обтирался влажным полотенцем, брился опасной бритвой и совершал прочие необходимые процедуры.

Поуп тем временем приготовил его костюм и чистую рубашку.

– Амелия, – сообщил он и ткнул каменным пальцем в пол.

Это означало, что мисс Эконит заглянула в гости с утра пораньше, и спускаться вниз в халате нежелательно. За то время, что они были знакомы, мисс Амелия, конечно, видела Габриэля в самом разном виде – в том числе и в пижаме. Но Поуп, воспитанный при королевском дворе, настаивал, чтобы мистер Мирт хотя бы пытался соблюдать приличия.

В конечном итоге мистер Мирт спустился вниз в брюках и рубашке, с аккуратно завязанным шейным платком, в жилете, но без сюртука. Он не был намерен выходить из дома до того момента, как поймет, где именно ошибся в расчетах.

Без этого дирижабль не поднять в воздух.

Мистер Мирт ненавидел оказываться в шаге от победы – и лишаться возможности дотянуться до момента торжества. Он снова и снова изучал чертежи и планы, перечитывал заметки Гилдероя Эконита в надежде, что они наведут на мысль, но неизменно терпел поражение.

– Эта дурная машина полетит, – пробормотал он, спуска-

ясь по пыльной лестнице, по темным дубовым перилам которой вился орнамент из ветвей мирта и цветов колокольчика. Король Чарльз Блюбелл, изображенный на портрете, смотрел на него из темноты с легкой усмешкой.

Габриэль прошел мимо него, зажмурившись.

Он не желал думать о Джеймсе.

Всего его мысли занимал исключительно дирижабль. И маршрут в Каледонию представлялся самым подходящим для изучения возможностей полета и проверки состояния железнодорожного вокзала.

Только и всего.

* * *

Мисс Амелия Эконит не любила четверги, а потому самые приятные дела переносила на пятницу, приберегая их словно десерт на окончание не самого достойного ужина. Вот и этим пятничным утром она отправилась навестить мистера Мирта за завтраком и поболтать о делах.

Однако «отправилась» будет, наверное, словом не совсем верным. Мисс Амелия буквально сбежала через заднюю калитку, спасаясь от нравоучений своей достопочтенной ма-тушки. Все дело в том, что миссис Эконит была весьма обеспокоена репутацией своей дочери после всех скандалов вокруг паровой машины. «Клуб добрых жен», где миссис Эконит нашла подруг по несчастью (таких же несчастных ма-

терей непутевых дочек), посоветовал ей немедленно выдать мисс Амелию замуж, пока не стало слишком поздно.

При мысли о «слишком поздно» миссис Эконит подкатывала глаза и призывала дворецкого с наштабырем.

Благо добродетельные жены не оставили подругу в беде и быстренько подыскивали неплохого кандидата по фамилии Ричардс, родом из Эйре, с большим поместьем под Лунден-бурхом. И миссис Эконит нынче утром торжественно объявила дочери о грядущей помолвке.

Мисс Амелия повернулась на каблуках и молча ушла.

Будучи суфражисткой, она была абсолютно уверена в том, что договорные браки не имеют права на существование. Но будучи дочерью миссис Эконит, она так же точно знала, что иметь с ней дело в такие моменты решительно невозможно.

Поэтому она предпочла провести утро в более приятной компании, немного выдохнуть, а потом обратиться за помощью к дяде Джеффри и «Обществу суфражисток». Само собой, не единовременно, но лучше управиться со всем до вечера, а то мало ли, что еще успеет прийти в голову матушке.

Дом мистера Мирта всегда казался Амелии убежищем. Слишком он отличался от всех прочих благородных домов, в которых ей доводилось бывать. Словно она в самом деле проваливалась в холмы фаэ. Впрочем, что тут удивительного? С тех пор, как она узнала, что Габриэль Мирт на самом деле подменыш фаэ, ей на многое открылись глаза.

Теперь она уже не могла не видеть, что глаза мистера Мир-

та слишком светлые и прозрачные, как топаз, не бывает таких глаз у человека, только у фаэ. И что отражается в них звездный свет и тайны лесов, которых Габриэль никогда не видел.

Он двигался легко и свободно, на его плечах не лежал груз ожиданий общества, а если кто-то пытался давить на него – он непринужденно выскальзывал из хватки. Как было, например, с «Клубом изобретателей имени П. Графа» – прилюдно отказавшись от членства в нем, Габриэль не стал даже пытаться вступить в какой-либо еще джентльменский клуб, утверждая, что ему это не нужно.

Он спас Парламент, в конце концов. Он имел право так утверждать.

Мисс Амелия слышала шаги на лестнице и подняла голову. На сердце у нее потеплело, на губах заиграла улыбка – как всегда при виде Габриэля. С того самого поцелуя на заснеженном кладбище они... Между ними что-то менялось. Но они не говорили об этом, не потому, что не желали – мисс Амелия очень хотела, но... У них всегда находились другие темы для обсуждения.

Например, проклятый детьми Даннан дирижабль, который никак не желал взлетать!

* * *

Мистер Мирт ворвался в гостиную.

– Амелия! – радостно воскликнул он. – Я не ожидал, что вы приедете.

– Это была вынужденная мера, – вздохнула мисс Амелия. – Я сбежала от матушки.

– Что на этот раз?

В голосе мистера Мирта звучало подлинное сочувствие. Он был уже прекрасно осведомлен о сложном характере миссис Эконит, но до сих пор не имел чести встретиться с ней лицом к лицу. Проще говоря, мисс Амелия старательно прятала его и эту часть своей жизни от матушкиного внимания – еще не хватало, чтобы мистера Мирта и его гениальные идеи разбирали по кусочкам на светских раутах.

Достаточно было и того, что наверняка творилось за закрытыми дверями джентльменских клубов.

Мисс Амелия закатила глаза и взяла с низкого столика чашку с ароматным чаем. Она считала – и была в том совершенно права, – что во всем Лунденбурхе никто не заваривает чай лучше, чем Поуп.

– Представляете, она нашла мне жениха!

У мистера Мирта дрогнула рука. Чай, перелившись через глазурованный бортик, расплескался по блюдцу и частично пролился на колени, но Габриэль, казалось, этого просто не заметил.

– Жениха? – переспросил он, стараясь сохранять спокойствие.

Не вздумает же мисс Амелия в самом деле...

– Представляете! – мисс Амелия словно бы не заметила его реакции. – Жениха! Какого-то Ричардса из Эйре. Якобы у него поместье и неплохие земли. Вы представляете? Пытаться купить меня каким-то поместьем и землями. Да я скорее поселюсь в кабине машиниста и буду каждый день мотаться в Каледонию и обратно, только чтобы не встречаться больше с подобной перспективой.

Мистер Мирт ощутимо расслабился и выдохнул. Ему даже удалось сделать глоток чаю.

– А вы... Вы не намерены в самом деле...

– Замуж?! Нет!

– Рад это слышать, но я спрашивал о кабине машиниста, – мистер Мирт наконец взял себя в руки. – Я помню, что в самом начале обещал вам, что так и будет, вы станете машинистом каледонской паровой машины, но теперь...

– Вы уже говорили, – мисс Амелия качнула носком сапожка. – Вы хотите, чтобы я полетела с вами на дирижабле.

– Да, и вы не ответили мне!

– Я должна была подумать – это все-таки высоко! – вскинулась мисс Амелия.

Не то чтобы она на самом деле опасалась высоты, но вряд ли подъем на Лунденбурхский мост мог сравниться с полетом дирижабля.

– Паровая машина – это здорово! И я всегда буду рада вернуться за руль, – горячо продолжила она. – Но другие девушки тоже неплохо справляются! Я получила свою долю славы

– не только как первый машинист, но и как спасительница Парламента. Чем плохо? Я хочу идти дальше. Я знаю, папа тоже этого бы хотел.

Мистер Мирт посмотрел на портрет Гилдероя Эконита, который с некоторых пор висел у него в гостиной рядом с портретом черноволосого синеглазого юноши – единственным уцелевшим изображением Джеймса.

– Ну, раз ваш отец хотел бы...

– Габриэль!

– Что Габриэль! Вы измучили меня, за три дня не дав согласия! А машина еще и не взлетает... Хотя тут я, кажется, нашел причину. Но мне нужна еще пара дней, чтобы все пересчитать. Боюсь, я ошибся где-то вначале.

Мисс Амелия улыбнулась ему:

– Я уверена, что все получится. Это же вы. Когда вы ошибались по-крупному?

Когда Джеймса у себя под носом проворонил.

Мистер Мирт снова и снова прокручивал в памяти тот день запуска паровой машины и вспоминал – только слишком поздно, – что видел Джеймса в толпе и... не узнал. Вот так брат.

Он бы мог, наверное, последовать за ним. Мисс Амелия и Джон Органс справились бы вдвоем, а он...

Цзиянь определенно справился лучше. Ну и кто тут любимый и верный друг?

– Габриэль? – осторожно окликнула мисс Амелия.

– А?.. – Мистер Мирт встрепнулся. – Что? Я потерялся?

– Вы смотрели на портрет Джеймса и хмурились. Снова сожаления?

Сожаления.

Они все решили называть это так – после того как Габриэль Мирт последним узнал, что его брат, изгнанный принц Джеймс Блюбелл, вернулся, да еще и с такой целью.

После того как ему пришлось раскрыть все карты перед заинтересованными лицами и, наконец, спустить курок, глядя брату в лицо...

Да, это называлось – сожаления.

А еще трусость и предательство, как подсказывал заботливый голос совести. Мистер Мирт стремился не замечать его, но очень непросто игнорировать что-то, что находится внутри твоей головы.

– Вы же говорили, что он должен был бежать в Каледонию?

– Если у него хватило ума, то да, – мистер Мирт тряхнул головой, отгоняя мрачные мысли.

– А что, если мы его поищем? – легкомысленно предложила Амелия.

Мистер Мирт как раз поднес чашку ко рту и закашлялся, поперхнувшись.

– Амелия... – выдохнул он. – Как вы это себе представляете?

– Хотя бы узнаем, не видел ли его кто. Внешность у него

приметная. Нам же все равно предстоит инспектировать вокзал!

– Что ж... Как хотите. – Мистер Мирт знал, что легкомысленный тон Амелии был таким же искусственным, как и ее спокойствие.

Знал он и о том, что Джеймс водил ее на ужин и пытался ухаживать.

И до сих пор не знал, как к этому отнестись.

– В любом случае, моя дорогая, я рад, что вы согласились. – Он поднялся и пересек комнату, чтобы опуститься на колени у ее кресла и бережно поцеловать костяшки пальцев. – Осталось только поднять эту трижды проклятую машину в воздух прежде, чем она сведет меня с ума, – и мы вольны делать все, что захотим.

Мисс Амелия нежно провела рукой по его кудрявым волосам.

Думала она сейчас вовсе не о Джеймсе и даже не о непокорном дирижабле, а о том, как изменился в лице мистер Мирт, стоило ей сказать про жениха. От этих мыслей на сердце становилось теплее, а его поцелуи на ее пальцах горели огнем.

ИЗ ДНЕВНИКА ГАБРИЭЛЯ МИРТА

Лунденбурх, апрель 18** года

...совершенно невозможно работать!

Жениха! Ее матушка подобрала ей жениха, и хотя Амелия и утверждает, что не хочет замуж – по крайней мере за этого Ричардса, – все равно это возмутительное событие, выбивающее из колеи.

Стоило пожаловаться Поупу, как он немедленно посоветовал пойти на опережение и в свою очередь сделать предложение. Ха! Так мисс Амелия и обрадовалась. Одно дело – ввязываться в веселые приключения с подменьшим фаз, и совсем другое – выйти за него замуж.

Я не могу предоставить ей и трети тех удобств и благ, которых она достойна. Мой старый особняк продувают все ветра мира, деньги текут сквозь пальцы, потому что я вкладываю их в работу, и, признаюсь честно, со мной невозможно иметь дело, когда я на чем-то зациклен.

А я всегда зациклен на своих изобретениях.

Такова жизнь гения, скажете вы? Но я не гений. Я просто фаз, обладающий древними знаниями и умеющий воплотить их в жизнь. Я последний мост между людьми и фаз.

И вот еще почему я должен отступиться от мисс Амелии и всех желаний, какими бы они ни были, какие бы чувства я ни испытывал при виде ее.

Фаз и люди редко создавали крепкие союзы.

Чаще всего фаз губят тех, кого любят, так уж устроены их легкомысленные сердца. Я не желаю погубить самое драгоценное сокровище, поэтому... Я решил, с этого дня – только деловые отношения. Никаких поцелуев ручек или компрометирующих ситуаций. Я смогу – ради моей дорогой Амелии. ...лучше мне думать о дирижабле.

Эта огромная машина никак не хочет подниматься в воздух. И ведь все есть. Корпус из металла и крепкой парусины, несколько режимов работы закрылков для лучшего преодоления воздушного сопротивления и уникальный облегченный паровой двигатель в задней части. Казалось бы: кидай в маленькую печь топливо и лети себе, куда хочешь.

Командная и моторные гондолы достаточно облегчены и не должны мешать взлету. Рули высоты и направления отлажены.

Но мы с Ортансом уже проверили каждую деталь аппарата, буквально заново собрали его, все в нем идеально, только он не летит. Мы уменьшили двигатель настолько, насколько это было возможно, чтобы разместить его в гондоле и обеспечить приток пара без перебоев. Потом экранировали двигатель и вывели трубу вниз – казалось бы, напора должно хватить, но...

Но я, кажется, этой ночью нашел разгадку. И она напрямую связана с наполнением оболочки из баллонета.

Я надеюсь, что после того, как я внесу изменения по новым чертежам, все придет в норму и мы наконец-то полетим!

Мы – это я, Амелия и Поуп. Идея взять его в полет принадлежала Амелии. А я... кажется, ни в чем не могу ей отказать!

Что ж. Время работать. Прочь, грустные мысли...

Глава 2. Навязанный свидетель

Мистер Габриэль Мирт стоял перед особняком главы Парламента мистера Чейсона Уолша и не решался постучать. В конце концов дверь открылась сама. Запуганная служанка мистера Уолша, видимо, заметила его в окно и поспешила открыть. Мистера Мирта здесь ждали.

В прихожей его встретил дворецкий и принял от него цилиндр и пальто. Заплаканная женщина в темном платье – супруга мистера Уолша – вышла навстречу.

– Как славно, что вы нашли минутку навестить нас, мистер Мирт, – сказала она, промокивая глаза шелковым платочком. – Чейсон недавно спрашивал о вас. Ему о чем-то надо посоветоваться с вами, он все твердит, что кроме вас никто не справится.

Мистер Мирт не стал говорить, что приглашение мистера Уолша нарушило все его планы.

– Я всегда готов прийти на помощь Парламенту и Лунденбурху, чего бы это ни требовало, – с дежурной вежливостью ответил мистер Мирт, хотя на самом деле его мучило любопытство – по какой причине мистер Уолш вызвал его к себе? После того происшествия с паровой машиной и Джеймсом они почти не общались: мистер Мирт был слишком занят идеей летательного аппарата, а мистер Уолш со всей старательностью налаживал отношения с империей Хань, чтобы

сгладить вероятность возможной войны.

Поговаривали, впрочем, что в последние недели мистер Уолш захворал. И, войдя в его спальню, мистер Мирт вынужден был признать, что это истинная правда.

Мистер Уолш ослабел настолько, что не в состоянии был подняться с кровати и принять гостя в кабинете. Служанка взбила подушки, а миссис Уолш помогла мужу сесть и опереться на них.

Выглядел он и в самом деле плохо. Внимательный мистер Мирт отметил запавшие глаза, узкие губы и нездоровый, желтоватый цвет лица.

Но взгляд мистера Уолша все еще оставался твердым и уверенным. Им он без слов распорядился, чтобы служанка и жена покинули спальню и оставили его с мистером Миртом наедине.

– Мистер Уолш... – мистер Мирт осторожно присел на стоящий неподалеку стул. – Вы меня вызывали.

– Да... Мирт, мне нужна ваша помощь. Я болен... Так сильно, что врачи лишь руками разводят...

– Боюсь, я не знаю, чем мог бы помочь вам. Я изобретатель, далекий от медицины... – растерялся мистер Мирт.

Мистер Уолш слабо взмахнул рукой, призывая его замолчать.

– У меня не так много времени, Мирт. Послушайте, главное сейчас не то, чем вы занимаетесь, но кто вы есть...

– Простите?..

– Вы фаэ, Мирт. Боюсь, я оказался в ловушке, в которой только фаэ остаются моей надеждой...

– Мистер Уолш, – как можно мягче произнес мистер Мирт. – Разве вам не известно, что я – подменыш, который с раннего детства не имел дела с настоящими фаэ? Закрыв Холмы от смертных, они также отгородились и от меня...

– Мирт! – перебил его мистер Уолш. – Я умираю. Мне остались считанные недели. Но мне рассказали одно... пророчество или легенду, я не знаю, что это. Про яблоки утерянного Абаллаха. Про то, что они даруют второй шанс любому, кто вкусит их.

– Да. Такая легенда и вправду есть. Яблони Абаллаха считают давно утерянными.

– Мирт, я прошу вас... – Чейсон Уолш дотянулся до руки мистера Мирта и крепко ее сжал. – Я знаю, что вы планируете путешествие в Каледонию.

– Я собирался проверить, как идет строительство вокзала...

Мистер Уолш словно не слышал его.

– Я прошу, нет... умоляю вас... отправляйтесь в Холмы, добудьте для меня это яблоко... Мирт, если не вы, то никто больше не сможет. Я не поскуплюсь на награду...

– Мне не надо... послушайте...

– Нет, Мирт, это вы меня послушайте... Вы однажды спасли меня, потому что понимаете, как важно то, что я делаю. У меня нет преемника. Я не успел его подготовить. Парламент

не способен... существовать без меня...

Голос мистера Уолша звучал все тише и тише.

– Я отправлюсь в Каледонию, – пробормотал мистер Мирт. – Но обещать ничего не могу.

– Обещайте, что хотя бы попытаетесь, – прошелестел мистер Уолш.

Казалось, беседа с мистером Миртом высосала из него последние силы.

– Я постараюсь, Чейсон, – тихо сказал мистер Мирт и осторожно похлопал по руке больного.

Потом вышел в коридор и кивнул ожидающей там миссис Уолш. Она прижала платочек к глазам и поспешила в спальню.

Служанка молча проводила мистера Мирта к выходу.

* * *

Мистер Мирт возвращался домой в подавленном настроении. Разговор с Чейсоном Уолшем не принес ничего, кроме уныния. Долг велел Габриэлю найти абаллахское яблоко. Раз он сделал свой выбор – и повторял его снова и снова, ратуя за Парламент и будущее Бриттских островов, – он не мог отступить сейчас. Чейсон Уолш создал Парламент, и никто не мог ожидать, что его так скоро свалит недуг.

Он остановил кеб у ворот своего особняка и спрыгнул на мостовую. Лето выдалось засушливым, и ему хотелось по-

скорее попасть в прохладный сумрак дома. Но сначала следовало позаботиться о коне и кебе. Что ни говори, а были и свои трудности в том, что единственный слуга в доме – горгулья, не покидающая пределов особняка.

Мисс Амелия как-то спросила, может ли Поуп существовать вне дома. Габриэля тогда вопрос поразил до глубины души. Какие дикие представления о магии фаэ у нынешних молодых людей! А ведь не минуло и поколения с тех пор, как фаэ ушли.

– Конечно, Поуп может, – ответил мистер Мирт. – Поуп – существо, созданное из тьмы и тумана, из земли и камня Древней Каледонии. Он – каменный великан, которого пробуждает к жизни голос того, в ком течет королевская кровь. Ну, или в моем случае, кровь условно коронованного фаэ. Он не морок этого дома!

– Замечательно! – воскликнула мисс Амелия. – А раз дело обстоит так, можем мы взять его с собой для полета на дирижабле?

Мистер Мирт ничего тогда не ответил, потому что задумался, насколько уместно было бы брать с собой Поупа, не рискуя при этом выдать остатки правды о себе всему честному народу. С другой стороны, терять было уже нечего, а Поуп и в самом деле слишком давно не покидал четырех стен. Это было несправедливо по отношению к верному другу, без которого мистер Мирт, довольно беспомощный в быту, давно бы забыл о необходимости пить чай, хотя бы иногда ужинать

и время от времени предаваться сну.

Однако именно ввиду того, что Поуп не занимался конюшней, мистер Мирт всегда помнил о лошадиных нуждах, несмотря на то, что слишком часто порывался забыть о своих.

Заведя лошадь в стойло и убедившись, что все в порядке, мистер Мирт пошел к дому. Печальные мысли снова охватили его. Он медленно взошел на крыльцо и надавил плечом на дверь, буквально вваливаясь за порог.

– Что с вами? – пророкотал Поуп, принимая из его рук цилиндр и перчатки.

– Устал, – неожиданно для самого себя пожаловался мистер Мирт. – Был день, полный тяжелых встреч и разговоров. Надеялся дома отдохнуть, но уже понял, что ошибся. Так что я, пожалуй, сейчас что-нибудь перекушу и поеду в ангар.

– Вы не собирались, – осуждающе покачал каменной головой Поуп.

Мистер Мирт вздохнул:

– Когда я занимаюсь делом, все вокруг кажется чуточку лучше. В голову не лезут все эти путанные мысли, похожие на клубок, с которым долго играла кошка. У меня в голове, кажется, липкий кисель, и это не самое лучшее топливо для моих изобретательных мозгов. Боюсь, если останусь сейчас дома, только усугублю собственное плачевное душевное состояние. Так что отправлюсь к дирижаблю и попробую еще раз переделать все расчеты, может, определю наконец, где же

допускаю ошибку.

– Если спросят, то где вы? – буркнул Поуп.

Дворецкий все еще выглядел недовольным, однако в каменных лапах уже держал кожаные перчатки и гогглы, в которых мистер Мирт неизменно возился с механизмами.

– Если мисс Эконит, или Цзиянь, или Ортанс... то им скажи как есть. Для всех остальных – я уехал до утра.

Поуп кивнул.

Мистер Мирт во всем предпочитал последовательность. Наметив план, он стремился выполнять его, не пропуская ни единого пункта. Вот и сейчас, решив пообедать, он сделал это добросовестно, до крошки съев все, что приготовил Поуп. Правда, вкуса еды он совсем не почувствовал, но это была сущая мелочь, уже привычная для этого дома. Мистер Мирт все равно никогда не говорил об этом вслух, чтобы не проверять пределы терпения Поупа.

Перед выходом мистер Мирт потратил некоторое время на то, чтобы сменить одежду на рабочую – идеально выглаженный зеленый костюм, в котором он навещал мистера Чейсона Уолша, не подходил для грязной работы. Прихватив саквояж с инструментами, он покинул особняк.

Конь встретил его непонимающим выражением морды.

– Прости, дружище, – пробормотал Габриэль, выводя его из стойла. – Я понимаю, мы совсем недавно вернулись. Я мечтал оказаться дома, но понял, что тут мне только тяже-

лее. В ангар, мой друг! Надеюсь, близость моего нового де-тища вошьет в меня немного сил!

Саквояж и рабочую одежду он сложил в кеб, а сам вывел коня за ворота и легко взобрался на козлы.

Мистер Мирт и сам понимал, что просто мечется, пытается найти хоть что-то, что позволит отвлечься от тяжелых мыслей. А метания еще никогда и никому не приносили пользы. Разве куропатка, испуганно взлетающая из зарослей, не попадает прямо под выстрел охотника? В то время как мудрый лис, затаившись, переждет, пока опасность минует.

Мистер Мирт находился в довольно уязвимой ситуации, осознавая, что мистер Уолш не случайно обратился за помощью именно к нему. С одной стороны, его просьбу можно было расценить как невероятное доверие со стороны бриттского правительства, но с другой... Если заглянуть немного глубже, в те механизмы – а в них мистер Мирт разбирался как никто другой, – что приводили в действие бриттскую политику сейчас, можно было заметить глубокое подозрение в отношении того, что на самом деле произошло зимой.

Чейсон Уолш имел полное право не доверять Габриэлю Мирту как представителю королевской семьи Блюбеллов, как брату Джеймса и как фаэ и в то же время вынужден был с ним считаться.

Зато придуманная им задача несла в себе легкий флер старинных сказок.

– Пойди туда, не знаю куда... – пробормотал мистер

Мирт, останавливая коня около ворот фермы.

Мистер Уолш не лукавил – болезнь и в самом деле точила его изнутри, еще немного, и это станет видно невооруженным глазом. И если мистер Мирт в самом деле сможет добыть абаллахское яблоко, он вновь спасет жизнь главе Парламента и обеспечит Бриттским островам покой еще на какое-то время. Даст мистеру Уолшу возможность воспитать преемника. А если не сможет... Что ж, мистер Уолш ничего не терял.

Габриэль Мирт усмехнулся. Если мистер Уолш таким образом пытался отдалить его от эпицентра политических интриг, то он забыл, с кем имеет дело. Мистер Мирт не был бы самим собой, если бы предпочел политические разбирательства собственным изобретениям, главное из которых сейчас предстало его взгляду.

На старой ферме, достаточно удаленной от посторонних глаз, чтобы никаких случайных зевак не притянуло сюда магнитом любопытства, стоял огромный овин, после нехитрых манипуляций ставший вполне приличного вида испытательным полигоном. Мистер Мирт с помощью Джона Ортанса превратил обычную крышу в раздвижной механизм, который позволил бы поднять дирижабль сразу в небо, не занимаясь переносом огромной машины из одного места в другое.

Габриэль повернул рукоять выключателя. Парогенератор заработал, повсюду зажглись лампы, освещающие главный

результат трудов последних месяцев.

Дирижабль возвышался посреди овина, огромный, могучий, похожий на спящую птицу. Наполовину сдутая оболочка держалась на специальных креплениях – в отсутствие мистера Мирта на полигоне паровое давление в клапанах не поднималось. В гондоле не горели фонари, и из-за игры теней казалось, что она куда больше, чем есть на самом деле.

Недалеко от дирижабля, в этом же овине, находился засыпанный бумагами рабочий стол. Даже величайшему детективу столетия сложно было бы отыскать на нем едва ли дюйм свободного места, настолько плотно все скрывали стопки исписанных листов, свернутые в рулоны чертежи и детали миниатюрной модели летательного аппарата. Мистер Мирт и сейчас остался верен себе и собрал модель для испытания, на этот раз в двух экземплярах: один дирижабль ночевал в его особняке по соседству с крохотной копией знаменитой паровой машины, второй же нашел себе место рядом с пресс-папье.

Садясь за стол, Габриэль Мирт скинул несколько чертежей и стопку записей прямо на пол так небрежно, словно они не несли никакой ценности. В какой-то степени так оно и было: дирижабль уже был собран, и бесконечные расчеты повторялись в разных вариациях на каждом листе для записок. Мистер Мирт открыл дневник в тяжелом кожаном переплете и погрузился в перечитывание недавних записей, пытаясь таким образом поймать ускользающую мысль.

Он знал, что что-то упускает и что решение загадки должно быть намного проще, чем сам вопрос. Однако время шло, а истина все никак не желала проступить сквозь туман непонимания.

Дирижабль молча возвышался за его спиной. Мистеру Мирту показалось, что, если прикрыть глаза и прислушаться, может почудиться, что исполинская машина дышит. И это вздохи сожаления оттого, что создателю в этот раз не хватает его хваленой гениальности, чтобы зажечь искру жизни. Подобно Прометею из Эллады, подарившему людям огонь, мистер Мирт должен был нести Просвещение, а вместо этого раз за разом переписывал набившие оскомины формулы, пока перед глазами не начинало рябить. Белые манжеты рубашки покрылись чернильными пятнами – Поуп будет ворчать и осуждающе смотреть, но что мистер Мирт мог поделать, если одежда – последнее, о чем он способен думать, захваченный азартом исследователя? Чернильница опустела, а мистер Мирт все так же сидел с пером над чистым листом бумаги, не замечая чернильных пятен, растекающихся по листу, и думал.

Сколько они с Ортансом ни пытались запустить парогенератор и наполнить оболочку дирижабля, мягкий каркас не желал надуваться равномерно. Несколько раз они раздвигали крышу, чтобы позволить дирижаблю взмыться в воздух, но это неизменно приводило к деформации оболочки и быст-

рой посадке. Еще ни разу им не удалось даже вывести дирижабль целиком из овина, в самой высокой точке подъема гондола касалась крыши.

Чтобы преодолеть силу гравитации и совершить полет на довольно длительное расстояние – Габриэль бросил взгляд на карту на стене, где флажками был отмечен маршрут от Лунденбурха до Эденесбурха, – необходимо, чтобы давление пара внутри распределялось равномерно. Выходило, что нынешняя оболочка просто не справляется со своей задачей.

Мистер Мирт вскочил. Ну конечно! Все это время они с Ортансом сражались с последствиями, хотя надо было – с причиной!

Мистер Мирт отбросил перо на стол, опустился на колени, пачкая брюки о земляной пол овина, и потянул к себе охапку чертежей, ранее столь безрассудно отвергнутых. Развернул один, другой, третий – пока не нашел тот, в котором отчаянно нуждался сейчас.

И прямо на полу начал чертить поверх, приговаривая под нос:

– Если возьмем мягкий каучук... И прикрепим его сюда, сюда и еще вот сюда... А потом растянем... препятствует деформации... Объем увеличится до 14 процентов и при этом... предохранители...

Перо черкало по чертежу, и вот уже цельная оболочка дирижабля была разделена на три части, между которыми мистер Мирт вписывал что-то дрожащей от возбуждения ру-

кой.

– Гениально! Так даже при сильном давлении форма будет держать в натянутом состоянии... – Он откинул голову назад и крикнул, обращаясь к машине: – Вот видишь! Если что-то не работает, это надо просто разобрать и собрать! Дай нам пару дней, дружище, и ты взлетишь выше любого орла!

Скрип двери мистер Мирт слышал не сразу. Поглощенный своим открытием, он старался зафиксировать все моменты, чтобы потом не пришлось заново копать в памяти, объясняя Ортансу технические нюансы. Потому явление высокого сухоощавого человека в зеленом сюртуке, с копной каштановых волос и крупным носом, с большой сумкой через плечо застало его врасплох.

– Мистер Габриэль Мирт! – в голосе незнакомца звучала преувеличенная восторженность, а на протянутой для рукопожатия руке не хватало перчатки. – Как же я счастлив! Наконец-то представилась возможность познакомиться лично!

Габриэль моргнул.

– Прошу прощения? – уточнил он, осознавая всю смехотворную неловкость ситуации – он почти лежит на полу, уткнувшись носом в бумаги, а незнакомец делает вид, что не видит в этом ничего особенного.

– Я мистер Эван Уотерс, корреспондент газеты «Вести Тамессы»! Мы с вами встречались на благотворительном вечере, устроенном мистером Леннорманом в поддержку художников. Я тогда расспрашивал вас о вашем новом изобрете-

нии, но вы посоветовали мне подойти попозже.

– И что же, по-вашему, это «попозже» уже наступило? – вот теперь Габриэль смутно вспомнил этого человека.

Один из тех назойливых репортеров, которые шагу не дадут ступить, пока не позволишь им зафиксировать все твои слова и мысли. Мистер Мирт репортеров на дух не переносил.

– Конечно наступило, – согласился мистер Уотерс. – Я же пришел!

– М-да, аргумент, – пробормотал себе под нос мистер Мирт, поднимаясь наконец с пола.

Его перчатки – грубые и подходящие для работы с перемазанными машинным маслом тросами – лежали на краю стола и не подходили для джентльмена, но, пожимая влажную ладонь мистера Уотерса, Габриэль пожалел, что пренебрег ими. Незаметно вытереть ладонь о сюртук мешало полученное при королевском дворе воспитание.

– Так что вы хотели? – так вежливо, как только мог, поинтересовался он.

Мистер Уотерс обошел его со спины и без спроса сел на стул, закинув ногу на ногу.

– Итак, мистер Мирт, когда вы намерены поднять вашу летающую машину в воздух и совершить историческое путешествие? – спросил он.

Мистер Мирт пожал плечами:

– Пока еще не знаю. Дирижабль – очень сложное изобре-

тение, требующее точных расчетов. В каком-то смысле намного сложнее паровой машины: ведь он полетит по воздуху, словно гигантская птица. Пока я не буду убежден в его полной готовности и не проведу пару тестовых полетов, я не смогу объявить о...

– Ну вы можете сказать хотя бы примерно? – перебил его мистер Уотерс. – Мне надо внести в расписание!

Это было вопиюще невежливо с его стороны, и Габриэль, довольно редко сталкивающийся с грубостью, не сразу нашелся с ответом.

– Простите, что именно вам надо внести в расписание? – осторожно уточнил он.

– Полет на вашем дири... дижре... Дерижабеле, вот что! – мистер Уотерс махнул рукой в сторону упомянутого аппарата. – Как представитель главной лунденбурхской газеты «Вести Тамессы», я отправлюсь вместе с вами и зафиксирую для истории каждое мгновение первого в мире полета!

Мистер Мирт зашелся кашлем. С трудом придя в себя, он все-таки смог выдохнуть сквозь стиснутые зубы:

– При всем уважении... мистер Уотерс... Я не планировал брать с собой в полет никого постороннего!

– Вот как? – Мистер Уотерс сощурился и подался вперед всем телом: – А кого вы планируете брать в сопровождающие?

– Мисс Эконит, – ответил мистер Мирт, и по широкой ухмылке мистера Уотерса понял, что попался.

– И вы считаете, что кто-то допустит, чтобы молодая незамужняя девушка находилась наедине с холостым джентльменом на высоте... На какую высоту поднимается ваша лодка?

– Две тысячи футов, – машинально подсказал Габриэль.

– Две тысячи футов! – возмущенно всплеснул руками мистер Уотерс. – И мисс Эконит, конечно, даже не подумает о том, чтобы взять с собой компаньонку. Подумайте о репутации девушки, вы, эгоистичный болван! Я отправлюсь с вами, чтобы свидетельствовать, что честь Амелии Эконит не пострадала!

– Но... – попытался было вставить слово мистер Мирт, но мистер Уотерс был непреклонен:

– И вы же не хотите, чтобы я написал хоть слово, порочащее ее имя.

Мистер Мирт устало посмотрел на мистера Уотерса. Этот энергичный человек производил впечатление напористого упряма, который во что бы то ни стало пойдет до конца.

И ведь на самом деле предстоящий полет вдвоем действительно может опорочить честь мисс Амелии. Если посмотреть на дело под таким углом... мистер Мирт не собирался этого допускать.

Он сказал:

– Однако с нами еще летит мистер Ортанс, механик.

Мистер Уотерс только отмахнулся:

– Еще лучше! Он не джентльмен! Вы только подумайте, какие пойдут разговоры!

Мистер Мирт сдался:

– Будь по-вашему.

Уотерс довольно рассмеялся:

– Вот так бы сразу! Этот материал станет легендарным!

В вас верит весь Лунденбурх, мистер Мирт! Все Бриттские острова! С вашей стороны было бы крайне опрометчиво подвести их!

С этими словами мистер Уотерс встал со стула, похлопал Габриэля по плечу и бодрой, слегка нервической, походкой направился к выходу из ангара.

– Так вы решили когда? – бросил он через плечо.

– В июне, – ответил ошарашенный напором этого человека мистер Мирт. – К Лите.

– К Лите так к Лите, вот так сразу бы и сказали, – довольно улыбнулся мистер Уотерс. – Мой шеф будет доволен. Удачи вам в тестовых полетах. Я очень надеюсь, что эта штука не рухнет и не перевернется, пока на борту буду находиться я.

Мистер Мирт запустил руку в волосы, путаясь пальцами в кудрявых каштановых прядях, и смотрел в спину мистеру Уотерсу до тех пор, пока тот не скрылся за дверью.

– Да-а-а, – протянул он. – Дела...

ИЗ ДНЕВНИКА ЮЙ ЦЗИЯНЯ

Лунденбурх, апрель 18** года

Удивительно, насколько мистер Мирт – неугомонный человек. Что еще более удивительно – то, как он увлекает за собой всех нас.

Я всегда считал себя человеком спокойным и рациональным. Для ханьской культуры неприемлемы непродуманные порывы. Для дипломата – вдвойне. Впрочем, один такой непродуманный порыв уже стоил мне части тела и впоследствии привел к тому, что мы имеем сейчас (не могу не возвращаться мысленно в тот день, закрываю глаза – и вижу две фигуры, схлестнувшиеся в драке на крыше пылающей неуправляемой паровой машины).

Я надеялся, что хоть немного покоя после всего случившегося мне светит. Но нет! То, как мистер Мирт заражает своей увлеченностью всех вокруг, как я уже говорил, удивительно. И в мое сердце он тоже пробрался. Не могу не думать, каково это – взлететь над землей.

Признаться, мне страшно. Я не хочу лететь с ним, я предпочту быть свидетелем с земли. Но сама идея вдохновляет меня.

Я говорю, что не хочу этого полета, потому что боюсь высоты.

Чуиш. Я военный, тренированный лучшими ханьскими спецслужбами. То, что я не приемлю насилия, не значит, что я не делал ничего для своего совершенствования.

Но я не хочу признаваться, что причина в другом – в моей руке.

Джон сделал все, что было в его силах. Он блистательный мастер, лучший в мире за пределами Империи Хань. Он чудом добыл детали, позволившие заменить поврежденные протезы, и я могу действовать обеими руками как раньше.

Но даже он ничего не может сделать с постоянной болью, терзающей меня. Я не подаю виду, не говорю ничего, ни единым вздохом не даю понять ему, что что-то не так: мне не хотелось бы ранить его. Он в самом деле совершил все, что мог. Никто не смог бы сделать для меня больше.

И сейчас он с таким восторгом мечтает о том дне, когда дирижабль оторвется от земли и поднимется в небо!

Но...

Я знаю, что буду лишь обузой в этом полете.

Глава 3. Неочевидные перспективы

Джон Ортанс сидел в любимом кресле и смазывал инструменты. Давняя привычка, выработанная им еще в те годы, когда он, юный и неопытный, работал в небольшой мастерской в Улье помощником механика, помогала привести мысли в порядок. В этом и заключался секрет вдумчивого спокойствия, внушающего доверие всем без исключения его клиентам. При этом инструменты всегда находились в идеальном состоянии. Объемный кожаный саквояж, в котором они хранились, уже порядком повидал жизнь – на углах черная кожа вся пошла кракелюрными трещинами и на углах вытерлась практически до белизны. Однако Ортанс не променял бы свой старый саквояж на новый, даже самый удобный и дорогой. В шутку он иногда называл его отражением собственного жизненного пути. И хотя сам Ортанс выглядел вполне молодо, и, встав на ноги и обретя собственное дело, сумел привести в порядок и лицо, и бороду, и дела, саквояж отражал перенесенные в прошлом невзгоды за него. И инструменты Джон давно мог позволить себе новые, но предпочитал те, что есть, – за каждым бережно оберегаемым гаечным ключом или отверткой тянулась целая история.

Отнюдь не в последнюю очередь благодаря этим инструментам по железнодорожным путям, тянувшимся из Лунденбурха в столицу Каледонии, мчатся теперь паровые машины,

позволяя зажиточным гражданам экономить до двух суток в дороге.

– Но нет, паровая машина это теперь слишком просто, – пробормотал Ортанс себе под нос.

Мистер Мирт потерял интерес к паровой машине почти сразу же, как загорелся новой идеей. И Ортанса с собой утащил. Теперь в ангаре Ортанс проводил гораздо больше времени, чем в собственной мастерской. Некоторые его постоянные клиенты были не в восторге от такого положения дел, но авторитет мистера Мирта после запуска паровой машины (и не в последнюю очередь после спасения членов Парламента от переполненного жаждой мести Джеймса Блюбелла) взлетел так высоко, что недовольство выливалось разве что в едва слышный ропот или просьбы украдкой заранее присмотреть местечко в расписании, на всякий случай, нет-нет, пока ничего не сломалось, а вдруг вот дядюшкины часы, в них, знаете ли, что-то похрустывает, когда стрелка подходит к семи...

Ортанс только головой качал. Кому-то шел навстречу, кому-то – если не получалось – обещал небольшую скидку, не желая совсем уж терять наработанную годами клиентуру. Но в голове зудела и не утихала мысль, что никто из этих довольно обеспеченных джентльменов не смог принести ему столько денег и работы, сколько один глубоко увлеченный подменыш фаэ.

На порог мистера Мирта Ортанса привела нужда, а вот

остался он уже по своей воле, совершенно влюбившись в то, с какой легкостью Ортанс подчинял себе и металл, и железо, и камень. А мыслил Мирт совершенно не как человек – и даже объяснить это кровью фаэ не получалось, ведь он всю жизнь провел с людьми и никогда не был в Холмах. Да и кто знает, что там, в Холмах, происходит?

Мистер Мирт думает о людях, о том, как облегчить им рутину, сделать жизнь проще, приятнее и интереснее, и при этом ставит перед собой задачи совершенно невероятные, иногда вопреки здравому смыслу.

Дирижабль...

Ортанс усмехнулся. Когда он впервые услышал эту идею, он просто не поверил в ее реальность. Оказавшись лицом к лицу с первыми чертежами, только покачал головой. А потом обнаружил себя в ангаре с гогглами на глазах и сварочным аппаратом в руке на высоте четырех метров от земли на страховочном тросе – и окончательно убедился, что безумие заразно. Особенно безумие мистера Мирта.

Последний смазанный ключ как раз лег обратно в сакво-
яз, когда на лестнице раздались шаги.

– Сегодня вы поздно, – отметил Ортанс, не поднимая головы – он тщательно складывал тряпки и масленки. – Плохие сны?

– На самом деле я проснулся давно, – сказал Цзиянь, подходя ближе. – Просто задумался, глядя в окно.

Кресло напротив, где он обычно сидел, сейчас было завалено какими-то деталями, с которыми Ортанс честно хотел успеть разобраться за утро, но отвлекся. Он поднялся, подхватил их все разом за рогожку, на которую складывал, и перенес на пол. Цзиянь благодарно кивнул и сел, сложив руки на коленях.

– Завтрак? – Ортанс, не дожидаясь ответа, перебрался через завалы вокруг кресел к маленькой кухоньке. В том, чтобы совмещать мастерскую и жилое помещение, были как свои плюсы, так и минусы. Цзиянь улыбнулся – эту картину он наблюдал каждое утро. Джон Ортанс против быта. Ортанс всегда знал, где лежат его инструменты или какие-то нужные детали, но ежедневно проигрывал поискам сковороды для скрембла.

Цзиянь пару раз пытался взять дело в свои руки и приготовить ужин, но Ортанс после пил холодную воду, пытался дышать и говорил, что ничего не имеет против ханьской культуры, столь дорогой сердцу его друга, но есть настолько острую и специфическую еду он совершенно не готов. Цзиянь безропотно согласился: готовка никогда не была его сильной стороной. Поэтому он оставил за собой право угощать Ортанса лучшим ханьским чаем, а Джон в свою очередь талантливо собирал на ужин фиш-энд-чипс и воскресное жаркое.

Тем более Цзиянь все равно был на редкость неприхотлив в еде.

Они позавтракали. Ортанс в самом начале их совместного проживания ввел железное правило – не говорить за едой ни о каких делах. Поэтому победу над скремблом праздновали в тишине, изредка обмениваясь впечатлениями о погоде. Но так как ни один из них сегодня еще не был на улице, приходилось обсуждать погоду как глобальное препятствие, одно из тех, что грозило встать на пути величайшего замысла мистера Мирта и причастных.

– Если продолжатся такие ветра с северо-запада, взлететь будет проблематично, – заметил Цзиянь, разливая по чашкам зеленый чай. – Разве что дирижабль будет достаточно управляем, находясь в воздухе.

– Мы работаем над этим! – ответил Ортанс. – Сначала Габриэль хотел построить воздушный шар – более простую модель, он даже создал тестовый вариант. Но это показалось ему слишком простым, вы же знаете его, друг мой. Но дирижабль – гораздо более сложная конструкция, и для управления им нужны два пилота – один держит заданный курс, а второй наблюдает за углом тангажа¹ и с помощью штурвала выравнивает курс. Нужен довольно сильный ветер, чтобы помешать его полету. Даже целый ураган.

– Надеюсь, обойдется без ураганов... – Цзиянь вздрогнул. Сама мысль о том, что малоуправляемое судно на огромной высоте столкнется со стихией, вызывала тревогу.

¹ Угол тангажа – угол между продольной осью летательного аппарата и горизонтом.

И он все больше утверждался в своем решении, о котором намеревался наконец с Ортансом поговорить.

– Джон, послушайте, – начал он после того, как с завтраком было покончено и посуду убрали обратно в шкаф. – Я хотел поговорить с вами. Серьезно поговорить. Это... насчет полета.

– Да, конечно. – Ортанс вмиг собрался.

Он ненавидел такое выражение лица друга – оно означало, что он снова нашел себе проблем там, где не стоило. Это был особенный талант Юй Цзияня – влезать в неприятности, и Ортанс заранее приготовился к самому худшему.

– Я не думаю, что мне стоит присоединяться к вам на борту дирижабля, – торопливо, на одном дыхании выпалил Цзиянь.

От волнения его ханьский акцент усилился, и Ортанс разобрал от силы половину слов.

– Повторите?

Цзиянь глубоко вздохнул и выдохнул, возвращая себе самообладание.

– Я не уверен, что мне стоит лететь. С вами.

– Но почему? – Ортанс поднял брови. – Если мне не изменяет память и чутье – а они, поверьте, верны мне как никогда, – еще недавно вы были столь же очарованы идеей полета, как и я?

– Верно, – Цзиянь склонил голову к плечу и обхватил руками колена: живые пальцы поверх механических. – Но это

сложное устройство. И непростой полет – ведь мистеру Мирту мало сделать круг над городом, он сразу вознамерился долететь до Эденесбурха...

– Ну вы же знаете, это его любимый пункт назначения. Да и если что-то пойдет не так, мы сможем вернуться на поезде. Паровая машина ходит по расписанию.

– Это предусмотрительно, – Цзиянь чуть улыбнулся. – Но в полете не должно быть балласта. Вот к чему я веду.

– Простите, друг мой. – Ортанс выпрямился в кресле и нахмурился: – Мне показалось или вы только что назвали балластом... себя?

– По всему выходит, что так, – Цзиянь посмотрел в сторону. – Видите ли, я не уверен в себе как в пилоте. Да и зачем бы пускать меня к штурвалу? Мисс Эконит вместе с мистером Миртом справятся прекрасно. А я лишь буду создавать лишние проблемы, и в случае чего...

– Ваша рука, – сощурился Ортанс. – Так?

Цзиянь вздохнул. Иногда проницательность друга казалась ему совершенно излишней. Он предпочел бы остановиться на том моменте, в котором его присутствие в гондоле дирижабля не имеет функциональной необходимости. Наивно было надеяться...

– Дайте я посмотрю, – Ортанс потянулся к нему через кресло, задев чашки. Чай расплескался на деревянную столешницу, но он даже не обратил внимания.

Цзиянь инстинктивно прижал руку к груди.

– Не надо, – натянуто улыбнулся он. – Все в порядке...

– Я вижу, как в порядке, – столик уехал в сторону, и Ортанс опустился на колени перед креслом, доставая из кармана монокль.

– Я не...

– Дайте взглянуть. И не вздумайте щадить мои чувства. Вы же не станете скрывать от хирурга, что шрам от зашитой им раны воспалился?

По лицу Цзияня он понял ответ – этот будет.

– Я не знаю, что у вас за порядки в вашей Ханьской империи, – пробормотал Ортанс. – Но здесь Британия, и тут у пациентов нет тайн от врачей. А я ваш врач – считайте так, если вам будет легче.

– Вы мой друг, – мягко ответил Цзиянь. – И я знаю, что вы делаете все, что в ваших силах, для меня. Просто иногда сил... недостаточно.

Он ослабил шейный платок и расстегнул пуговицы на жилете. Для него было привычно раздеваться перед Ортансом – так врач снимает одежду перед пациентом. К тому же в Хань намного легче относились к телу, чем в чопорной Британии, где стремились закрыть чехлами даже ножки рояля. Ортансу было сложнее – он всегда начинал осмотр с какой-то долей смущения, которую Цзиянь предпочитал не замечать.

Он высвободил механическую руку из рукава рубашки и позволил Ортансу оценить проблему.

Ортанс что-то проворчал сквозь зубы по-гэльски – не ина-

че как помянул Малый народец, хотя они тут точно были ни при чем. Просто Цзиянь счел, что Ортанс и так сделал для него слишком много, и не жаловался, а Ортанс, увлеченный проектированием дирижабля, не настаивал на регулярных осмотрах.

Как выяснилось, зря.

– М-да... – Ортанс провел кончиком большого пальца по воспалившемуся шраму в том месте, где металл спаивался с человеческой кожей. – Нехорошо. Сильно болит?

– Бывает...

– Цзиянь!

– Правда же, бывает. Иногда сильно – например, в дождь. Иногда вообще не замечаю...

– Да уж, с учетом того, что дожди в оставленном богиней Дану Лунденбурхе льют едва ли не каждую неделю, это внушает оптимизм, – ухмыльнулся Ортанс, взяв себя в руки. – Дайте осмотрю все остальное.

Цзиянь послушался, снимая рубашку совсем.

Удивительно, но металл на животе и в глазу совсем не доставлял неприятностей. То ли потому, что в этих частях тела постоянное напряжение было меньше, чем в руке, то ли по иной причине, но швы были чистые, и металл не поддавался коррозии – в отличие, опять же, от руки. Хотя всю биомеханику на Цзияне Ортанс менял одновременно, и материалы, доставшиеся им с таким трудом, прибыли напрямую из Хань.

– Загадочно, – пробормотал Ортанс. – С учетом того, что все ваши механические детали так или иначе скрыты от непогоды под одеждой и шляпой, а ванну вы принимаете со всей возможной аккуратностью, я бы сказал, что проблема именно в том, что это ваша активная рука. Постоянное трение ускоряет износ материалов. Боюсь, я оказался вовсе не так хорош в биомеханике, как мы оба с вами надеялись.

– Бросьте, Джон! – Цзиянь накрыл его руку своей. – Если бы не вы, я бы уже давно развалился на части, в буквальном смысле слова. Только благодаря вам я держусь и в порядке. А это... Ерунда, право слово. Даже ханьские врачи не давали мне никаких гарантий, что все срастется идеально.

– И все же я... – Ортанс закусил губу. – Я не хочу, чтобы вам было больно. Я попробую найти способ, чтобы ослабить боль и не усугубить ситуацию. Вряд ли вы хотите, чтобы вам по третьему разу пересобирали руку – особенно без гарантии результата.

– Она вполне работает! – закивал Цзиянь. – Вы же видите, я пользуюсь столовыми приборами, могу завязать платок и даже управлять конем...

– Вот о последнем лучше все-таки пока забыть. Как ваш врач, я предписываю вам полный покой.

– И мы возвращаемся к тому, с чего начали. Я не могу полететь с вами. Моя рука... Я буду только обузой. Не смогу удержать тросы, если понадобится, даже не справлюсь со штурвалом. А лишний человек в гондоле – балласт.

– Подумайте еще, Цзиянь... Вы знаете, мне бы хотелось... И мистеру Мирту с мисс Эконит тоже. В конце концов, мы же одна команда, были ею и остаемся.

– Вам все равно нужен будет человек, который поможет перерезать красную ленточку, а потом сумеет успокоить возбужденную толпу оставленных на земле зрителей, – улыбнулся Цзиянь. – Это то, с чем я справлюсь намного лучше. Но... Могу я вас попросить?

– Конечно, друг мой. Все, что угодно.

– Не так уж много: не говорите, пожалуйста, Мирту истинную причину моего отказа. Я знаю, это отвлечет его и заставит переживать по столь не заслуживающей внимания мелочи. У него доброе сердце. Я не мог дольше скрывать от вас, своего врача, в этом вы правы. Но мистер Мирт должен думать сейчас только о деле.

Ортанс кивнул:

– Да. Я понимаю.

– Я не заслужил настолько понимающего друга.

– Цзиянь...

Их разговор прервал торопливый стук в дверь.

Ортанс направился впустить неожиданного гостя, пока Цзиянь торопливо приводил в порядок одежду. Благо на подвижность и ловкость механических пальцев воспалившиеся швы у плеча никак не влияли.

Так что когда мистер Мирт, чрезмерно взволнованный,

влетел в комнату, Юй Цзиянь выглядел так, как и подобает джентльмену, встречающему утренних гостей.

Сам мистер Мирт, правда, отнюдь не был похож на того, кто проводит утро за ленивыми визитами. Он был взлохмачен, воротник рубашки испачкан чернилами, на манжетах – следы масла и одет в ту одежду, в которой обычно находился в ангаре.

Цзиянь сделал из этого напрашивающийся вывод, что что-то произошло у дирижабля.

Ортанс тоже.

– Все в порядке? – спросил он, почти силой усаживая мистера Мирта в кресло – будучи взволнованным, тот отличался чрезмерной энергичностью.

– С дирижаблем? Пожалуй, что да! – мистер Мирт потрянул кудрявой головой.

Волосы его отросли за последние полгода и теперь выбивались из ленты, как дикий виноград.

– Чай по-ханьски или по-бриттски? – быстро спросил Цзиянь, пока еще была возможность вставить хоть слово.

– По-бриттски, пожалуйста, – с чопорной осторожностью попросил мистер Мирт.

Ханьским чаем и еде он не доверял с предвзятостью истинного бритта, хоть и старался не подавать вида, не желая обидеть Цзияня. Цзиянь улыбнулся и отправился на поиски молока в то, что служило им с Ортансом подполом – достаточно холодное пространство прямо у порога. Возможно,

когда-то оно служило Ортансу для других целей... Цзиянь не спрашивал. Это была не тема для обсуждения, как и знакомства Ортанса и его прошлое. Так как сам Цзиянь умалчивал о многом, это было справедливо.

Пока он ходил за молоком, Ортанс успел вскипятить на плитке чайник. Цзиянь передал ему молоко – пусть таким варварством, как бриттский способ заваривания чая, занимается бритт! Сам Цзиянь постоянно норовил зажмуриться при виде того, как ароматный черный чай льют прямо в молоко.

Но мистер Мирт, судя по всему, был совершенно доволен нарушением всех канонов чая (старик Лу Юй² был бы в ужасе, если бы сошел на Землю из чертогов Небожителей). Взяв чашку, он сначала пригубил напиток, проверяя температуру, а затем сделал несколько медленных глотков.

Когда чашка опустела, а мистер Мирт успокоился настолько, чтобы продолжать беседу, Ортанс уселся в кресло напротив, а Цзиянь пристроился на подлокотнике.

– У меня сразу несколько новостей, – сказал мистер Мирт, запуская руку в волосы. – И я не знаю, с какой начать.

– Всегда лучше начинать по порядку, – подбодрил его Ортанс.

– И правда... Дело в том, что наш полет превращается в миссию, от которой зависят судьбы Бриттских островов.

– Даже так, – поднял бровь Цзиянь. – Что случилось?

² Лу Юй – создатель первого трактата о чае «Чайный канон».

– Я скажу вам, и знаю, что мне нет необходимости просить вас о молчании, но все-таки попрошу: дело государственной важности, – мистер Мирт понизил голос. – Чейсон Уолш болен, и он считает, что в Каледонии найдется лекарство для него.

– И что же это? – в голосе Ортанса послышался скепсис. – Вряд ли каледонский фермерский сидр?

– Один из легендарных артефактов фаэ! Поисками я займусь сам, конечно. Просто... Теперь все становится немного труднее, чем просто добраться до Эденесбурха и обратно.

– А когда у нас что-то было просто? – философски спросил Ортанс, припоминая историю первой паровой машины.

Мистер Мирт улыбнулся:

– Ну, что поделаешь! Значит, такова наша судьба!

– Но чтобы добраться хотя бы до Эденесбурха – не говоря уже о всяких легендарных местах, которые наверняка скрыты от посторонних глаз, и попасть туда совсем не так просто, как хотелось бы, – нужно хотя бы взлететь, – заметил Цзи-янь. – А у нас пока с этим проблемы.

– Проблемы кончились! – торжественно сказал мистер Мирт и даже выпрямился. – И это – вторая новость. Но, наверное, самая важная. Джон, я все рассчитал. Он полетит! Теперь – совершенно точно, нам просто надо кое-что переделать в строении оболочки, и тогда все расчеты сойдутся. Мы сможем сделать тестовый подъем на небольшую высоту, и если все пройдет удачно, то объявим о дате полета во всех

газетах! Кстати, о газетах...

– Постойте-постойте! – перебил Ортанс. – Вы смогли разобраться?

– Да, я нашел ошибку, – нетерпеливо повторил мистер Мирт. – Мы завтра же начнем исправлять ее! Встретимся в ангаре рано утром, я все расскажу! Так вот, о газетах...

– А что с ними? – Цзиянь склонил голову к плечу.

– Журналисты! – воскликнул мистер Мирт с таким отчаянием, словно это слово значило «катастрофа». Впрочем, дальнейшие события показали, что так оно и было.

– Журналисты?

– Да! Точнее, один журналист, Уотер, или Соутер, или как-то так, он проник в ангар и заявил, что намерен во что бы то ни стало сопровождать нас в полете!

Ортанс и Цзиянь удивленно переглянулись.

– Разве не предполагалось, что репортеры будут на земле у красной ленты? – поинтересовался Ортанс, не любивший всю репортерскую братию без разбора.

– Конечно, так и предполагалось, – вздохнул мистер Мирт. – Но этот оказался особенно настырным. Узнал, где стоит ангар, проник внутрь и застал меня врасплох. Хуже всего то, что я не смогу ему отказать.

– Но почему? – не понимал Ортанс.

Вместо мистера Мирта ответил Цзиянь:

– Как мне видится ситуация, все дело в том, что он, на нашу беду, репортер «Вестей Тамессы». И здесь есть нюанс.

Мистер Мирт кивнул:

– Эта газета всегда поддерживала мои изобретения, да и в целом, по сути – глас народа. Если оттолкнуть журналиста... Поверьте, публике это не понравится. Мистер... Уотерс, вспомнил... Поставил меня в патовую ситуацию. К тому же он угрожал мне.

– Угрожал вам? Мистер Мирт, это...

– Джон, я понимаю ваш порыв, но он был прав, заявив, что мисс Амелия окажется в окружении мужчин совсем без присмотра. Это мы знаем, что безопасны для ее чести и что мисс Амелия может за себя постоять. Но оскорбленный репортер может перечеркнуть ее репутацию одним росчерком пера. Вспомните, как легко молва убила ее отца.

– Но ведь этот репортер... Он тоже мужчина, верно? – Цзиянь моргнул. – Разве его присутствие не усугубит ситуацию?

– О, поверьте, мой дорогой, никто в здравом уме не станет воспринимать репортеров как мужчин! – ухмыльнулся Ортанс. – Но публика будет уверена, что мисс Эконит находится под строжайшим наблюдением самого бдительного и честного человека Британии. Я правильно понимаю?

С губ мистера Мирта сорвался вздох.

– Да, все так. Боюсь, нам придется взять с собой этот балласт и надеяться, что он окажется достаточно полезен в пути... И, по крайней мере, не принесет никому вреда.

– Кстати, о балласте, – пробормотал Цзиянь. – Мистер

Мирт, вы сильно расстроитесь, если я скажу, что не полечу?
– Что? – вскинулся мистер Мирт. – Друг мой, но... Почему?

– Я боюсь высоты, – с невинным видом сказал Цзиянь. – Признаюсь честно, она мне противопоказана. В Хань во время паломничества я не мог подняться к горному храму, чтобы не закружилась голова.

– Но почему вы раньше не сказали? – растерянно спросил Габриэль.

– Я думал, я справлюсь, – Цзияню даже не пришлось покривить душой при этих словах. – Но после того, как я стал плохо спать... Я решил, что так будет лучше.

– Вот как... А вы, Джон?

– Возможно, с учетом нового члена экипажа, так некстати навязавшегося нам, мне лучше будет остаться с Цзиянем.

Цзиянь бросил на него ошарашенный взгляд. Об этом разговора не шло!

Мистер Мирт задумчиво кивнул:

– Давай сначала пересчитаем вместимость гондолы с учетом Поупа... А потом вы примете окончательное решение? На борту нужен механик...

– И он будет, вы берете с собой мисс Амелию! Она и так принимает значительно меньше участия в проекте, чем ей хотелось бы, – а все из-за ее обязанностей в «Обществе суффражисток»! Она будет только рада официально стать вторым пилотом. Ей, в конце концов, не привыкать!

– И это верно... – мистер Мирт опустил подбородок на руки. – Что ж... Я должен это обдумать, друг мой. Слишком много всего за один день. Слишком много. Позвольте, я откланяюсь? Спасибо за чай. Утром жду в ангаре, у нас много дел и мало времени!

Мистер Мирт унесся так же стремительно, как и появился. Едва за ним закрылась дверь, как Цзиянь спросил:

– Джон, что вы творите?

– Я не хочу оставлять вас одного, зная, что с вашим протезом что-то происходит, вот и все, – буркнул Ортанс, проходя в мастерскую. – И если что-то случится с дирижаблем и командой, вдвоем с земли мы сможем оказать больше помощи, чем вы в одиночку.

– И давно вы это решили? – возмущенно крикнул Цзиянь ему вслед.

– Только что, – отмахнулся Ортанс, надевая гогглы. – А сейчас простите, друг мой, но мне надо до вечера успеть с одним небольшим заказом. Что-то подсказывает мне, что ближайšie несколько недель я буду жить в ангаре. Так что надо бы успеть задобрить особо нетерпеливых клиентов!

Цзиянь медленно выдохнул. Спорить с Джоном Ортансом – все равно что играть в маджонг с голубями. Никогда не одолеешь, будь ты хоть трижды прав.

ИЗ ДНЕВНИКА ЭВАНА УОТЕРСА

Лунденбурх, апрель 18 года**

Итак, шеф доволен мной! Признаться честно, я сомневаюсь, что он с самого начала верил в успех нашей затеи – однако же вот я, полноценный член будущего экипажа дирижабля... Интересно, а будет ли у него название? Кораблям дают название! Летаящим аппаратам тоже должны. Вот и первый вопрос к мистеру Мирту...

Идея! Мне надо сделать небольшое интервью с мистером Миртом и опубликовать его до полета! Чтобы публика уже была готова к тому, что увидит. Шутка ли – безумец вознамерился взлететь к Солнцу, как в мифах Эллады, и я вместе с ним!

Страшно ли? Ох, очень страшно. Самому себе, на страницах дневника, я могу в этом признаться. Все сжимается в животе, стоит представить, что я перестану твердо стоять на земле и окажусь в небесах с этим ненормальным.

И этой ненормальной. Мисс Эконит та еще штучка, дочь

своего отца, вы посмотрите. Подает ужасный пример всем девушкам Британии. Не знаю, что хуже: деятельность целого «Общества суффражисток» с их протестами и парадами или одна такая мисс в штанах и с гаечным ключом в руках. Наши традиции, хранимые веками, трещат по швам! Не одобряю категорически! И вот с этой особой мне придется провести в полете... Сколько? Сутки? Двое? Сколько вообще лететь до Каледонии, кто-нибудь знает? Вот еще один важный вопрос, который просто необходимо задать мистеру Мирту до полета!

И поговорить с нотариусом, все ли в порядке с моим завещанием. Перестраховаться в таком деле не мешает... Уф, или я погибну с честью, или положу мистеру Фэйгрису на стол репортаж века!

И лучшие все-таки второе...

Глава 4. Общество любителей карикатур

С того самого дня, когда мистер Мирт прилюдно отказался от членства в «Клубе изобретателей имени П. Графа», он так и не вступил ни в какое другое джентльменское сообщество. Ему вполне хватало своей команды, дирижабля в ангаре и стремления сделать смертный мир хоть немного лучше.

Конечно, далеко не всем это пришлось по душе. Небезызвестный лорд Дарроу, все так же председательствующий в «Клубе изобретателей», заявлял, что мистер Габриэль Мирт пошел по скользкой дорожке. Для порядочного джентльмена не принадлежать ни к какому обществу других достойных джентльменов просто-напросто позорно. Это бросает тень на его репутацию... И на репутацию тех, кто находится рядом с ним.

Под «теми, кто рядом» лорд Дарроу, конечно же, подракумевал мисс Амелию Эконит. С этой особой у него были свои счеты: мало того что она добилась своего и первой проехала за рулем паровой машины... Так еще и оказалось, что ее отца зря сгноили в Бедламе, и пришлось восстановить его доброе имя.

Лорд Дарроу в юности и даже в зрелые годы соперничал с Гилдероем Эконитом, и случившееся возрождение последнего пришлось ему не по душе. А все этот Мирт!

О летательном аппарате в «Клубе изобретателей имени П. Графа» были, конечно, осведомлены: после того как первые слухи просочились в прессу, весь Лунденбурх гудел – кто в сомнениях, кто в предвкушении, но равнодушных не осталось.

И все бы ничего, если бы в тот момент, когда появились первые ласточки новостей, у «Клуба изобретателей имени П. Графа» не проходила собственная маленькая выставка достижений, традиционно проводящееся раз в полгода мероприятие, помогающее простым лунденбурхцам найти новые аппараты для своей пользы, а изобретателям – защитить новые патенты и получить спонсорство.

И надо же было такому случиться, что именно в этот раз – что за совпадение! – в здание клуба не явился ни один посетитель.

Разочарованные члены клуба сетовали на особо разгулявшуюся в этот день непогоду и проливной дождь, мешавший выйти на улицу, но мистер Дарроу точно знал – все это происки коварного Габриэля Мирта!

Лорд Дарроу был человеком дела и долго предаваться печали не любил и не умел. Вместо этого он предпочел пригласить на обед своего давнего приятеля Финеаса Фэйгриса, главного редактора «Вестей Тамессы».

Мистер Фэйгрис явился к месту встречи, опоздав всего на четверть часа. Это был тот единственный человек, кото-

рого лорд Дарроу ни разу не упрекнул в отсутствии пунктуальности. «Вести Тамессы» были главным печатным изданием страны, и новости сыпались в редакцию как из рога изобилия. И чтобы отделить зерна от плевел, то есть стоящую информацию от не заслуживающей внимания, требовалось много времени. А ведь мистер Фэйгрис должен был еще и разослать своих репортеров в места горячих событий, чтобы первыми узнать что-то, что может разжечь интерес публики, опередив другие газеты, или же хотя бы получить достоверные сведения из первых рук. Лорд Дарроу в полной мере осознавал важность его деятельности для общества в целом и для себя в частности (ни один завтрак его светлости на протяжении последних десяти лет не проходил без свежей утренней газеты), а потому прощал мистеру Фэйгрису такие опоздания, за которые любой другой джентльмен уже был бы подвергнут ostracismu и отлучен от сиятельного общества.

– Добрый день, ваша светлость! – Мистер Фэйгрис изобразил вежливый поклон и тут же со смехом пожал протянутую лордом Дарроу руку. – Рад вас видеть. Нечасто случается нам выбраться куда-то теперь. Все дела, дела...

– Да... Мир куда-то торопится, летит вперед, – вздохнул лорд Дарроу, поправляя перчатки. – И куда только спешит? Время быстротечно...

Приятель медленно двинулись вниз по улице в сторону облюбованного ими ресторана с роскошным видом на Тамессу.

– Как жизнь в редакции, кипит? – спросил лорд Дарроу.

– Как и всегда! – ответил мистер Фэйгрис. – Весна всегда суматошный период. Почему-то больше всего событий происходит именно зимой и весной. А лето и осень спокойные и тихие...

– На то нам и дан календарь, – усмехнулся лорд Дарроу. – Колесо года набирает обороты в начале зимы и к осени постепенно останавливается, Великий Олень умирает, чтобы проснуться вновь к Белтайну, а время жатвы предшествует периоду долгого зимнего сна... Наши предки знали толк в жизни! И жизнь у них была спокойная...

– Ох, не смешите меня, дорогой друг, – отмахнулся мистер Фэйгрис. – Ну какая спокойная жизнь бок о бок с Маленьким народцем? Скольких фаэ с ума свели просто ради забавы? А с ними носились, потому что королевская кровь же! Королевские знания! Хорошо, что они ушли. Дышится спокойно!

– Тсс, – нахмурился лорд Дарроу. – Накличете еще...

– Я не боюсь, – подмигнул мистер Фэйгрис. – Вот еще, бояться каких-то жителей Холмов, которые еще и заперлись изнутри. Я не видел в Лунденбурхе ни одного холма! И верю я только в острое слово и твердость пера.

– Как хотите, – возвел глаза к небу лорд Дарроу. Его, человека старого воспитания, всегда нервировали подобные разговоры – все казалось, что какой-то особо проказливый фаэ подслушает, а потом явится ночью и пошутит так, что костей

не соберешь.

– А как обстоят дела в вашем Клубе? – перевел тему мистер Фэйгрис, почувствовав, что зашел на опасную территорию.

Такие вещи он всегда определял очень точно, чем и пользовался в своих интересах. Сейчас интерес представляли душевный комфорт и спокойствие лорда Дарроу, что было гарантом хорошего обеда и интересной беседы. Мистер Фэйгрис не был бы самим собой, если бы не обладал талантом не только решительно прорываться вперед, но и вовремя сделать пару шагов назад, уступить и промолчать. Благодаря этому дару он, в том числе, стал в свое время лучшим репортером столицы.

– О, – вздохнул лорд Дарроу. – Полное фиаско. Джентльмены опускают руки и теряют интерес к самой идее науки!

– Это из-за того, что никто не пришел на вашу традиционную выставку? Я слышал об этом печальнейшем событии. Но непогода...

– Ох, Фэйгрис! Ну вы-то должны понимать, что истинного ценителя науки не остановит ни дождь, ни град, ни даже ураган!

С этими словами он дернул ручку двери ресторана «Гузберри».

В прежние времена на этом месте стоял трактир некоего Финна, чья дочь готовила потрясающий пирог из крыжовни-

ка³. Пирог стал настолько знаменитым, что попробовать его приходили и люди, и фаэ, и не только со всех концов Британии, но и из Каледонии, Вэласа и Эйре. Финн оттого разбогател так, что построил трактир побольше, а пирог из крыжовника стал его символом. Так много лет спустя нынешний хозяин ресторана – прапраправнук того самого Финна – назвал ресторан в память о нем.

И сейчас это было место, где собирались все сливки Лунденбурха, а простые горожане могли только мечтать сюда попасть.

Едва лорд Дарроу и мистер Фэйгрис переступили пороги «Гузберри», как перед ними, словно из воздуха, возник метрдотель с радостной улыбкой человека, который целый день ждал появления именно этих двоих посетителей, и никого кроме. Метрдотель учтиво поклонился, и лорд Дарроу снисходительно кивнул, а мистер Фэйгрис почти панибратски поприветствовал его. Приятели так часто бывали здесь, что знали в лицо весь обслуживающий персонал.

– Ваша светлость! Вам как обычно? – следуя регламенту, уточнил метрдотель. – Столик на двоих на открытой веранде?

Лорд Дарроу переглянулся с мистером Фэйгрисом.

– Сегодня погода радует отсутствием дождя, – проговорил он. – Думаю, можно сесть на открытой веранде. Признаться,

³ Gooseberry (англ.) – крыжовник.

я скучаю по виду.

– Я тоже, – ответил мистер Фэйгрис. – Надеюсь, у вас найдется бренди?

– Все, что угодно, для уважаемых господ, – услужливо произнес метрдотель.

Приятелей провели на второй этаж и усадили за столик.

Метрдотель растворился в тених, а на его место явился вышколенный официант с идеальной осанкой. И сразу поставил на стол два бокала и наполнил их бренди. Наливал он на глаз, но если бы любопытствующий посетитель вознамерился проверить его точность, он бы с удивлением убедился, что в обоих бокалах бренди оказалось ровно на два пальца. Лорд Дарроу одобрительно хмыкнул и поднял бокал:

– Ваше здоровье, Фэйгрис!

Приятели сделали по глотку и одобрительно кивнули.

Официант тут же испарился – но только для того, чтобы в скором времени возникнуть с подносом с тарелками. Вкусы лорда Дарроу были прекрасно известны всему местному персоналу. Приходя на обед, он неизменно брал телячью лопатку, запеченный картофель и знаменитый крыжовенный пирог. То же самое полагалось есть и мистеру Фэйгрису – тот давно оставил попытки спорить с его светлостью касательно меню. Лорд Дарроу, по общепризнанному мнению, превосходно разбирался не только в науке и скачках, но и в высокой кухне. Его званные обеды гремели на весь Лунденбурх, а его привередливость в отношении качества продуктов стала

притчей во языцех.

Мистер Фэйгрис соглашался с ним во всех вопросах кулинарии, кроме вечного камня преткновения: ханьской лапши с овощами. Ее подавали в забегаловках в портовых кварталах, и мистер Фэйгрис, будучи еще не главным редактором, а всего лишь молоденьким репортером, согревал с ее помощью тело и душу на последние пенсы. Лорд Дарроу же заявлял, что ни за что не притронется к еде ханьских простолюдинов. Однако с удовольствием поглощал утку в кисло-сладком соусе, если ее подавали к столу.

Однако в «Гузберри» ханьской еды не подавали, а телятина была, как всегда, высшего качества.

После того как лорд Дарроу и мистер Фэйгрис в полной мере воздали ей должное, они вернулись к разговору.

– Итак... Мы заговорили о вашей выставке, которую постигла столь печальная судьба... – вкрадчиво начал мистер Фэйгрис.

Лицо лорда Дарроу страдальчески исказилось.

– Да! – сокрушенно вздохнул он. – Впервые за все годы существования «Клуба изобретателей имени П. Графа» члены клуба оказались так унижены! Что сказал бы мистер Граф! И поверьте – поверьте мне, Фэйгрис! – я знаю, чья это вина!

– И чья же?..

– Во всем виноват мистер Габриэль Мирт!

Мистер Фэйгрис сложил руки под подбородком. Чутье журналиста подсказывало ему, что лорд Дарроу готов поде-

литься чем-то не только наболевшим, но и эксклюзивным.

— И что же еще сотворил мистер Мирт? Его имя буквально у всех на слуху...

— Этот человек — позор всего мира науки! — решительно заявил лорд Дарроу. — Вы же были свидетелем той чудовищной ситуации, которая произошла во время проведения прошлой Выставки достижений? Доблестные и благородные рыцари науки, мои коллеги, вознамерились помешать мистеру Мирту совершить недопустимое и решительно протестовали против того, чтобы эта особа... Эконит... была машинистом!

О, мистер Фэйгрис, конечно, был наслышан об этой истории. Сам он не присутствовал при историческом событии, но получил на стол сразу несколько красочных репортажей. С парографиями, на которых на рельсах поперек выезда из ангара упрямо расположились сразу несколько джентльменов и у каждого на груди красовался значок принадлежности к «Клубу изобретателей».

— Какой ужас, — сочувственно откликнулся он. — Я слышал, мистера Мирта с позором лишили членства клуба?

Фэйгрис знал, что дело было не совсем так — мистер Мирт сам прилюдно выбросил свой значок, — но он хотел подыграть лорду Дарроу, чтобы услышать побольше.

— Ха! — воскликнул лорд Дарроу. — Как будто кто-то позволил бы ему остаться после такого! Он презрел все наши принципы!

– Однако это его имя уже полгода не сходит с таблоидов... – вскользь заметил мистер Фэйгрис.

– Да! И я уверен – он специально объявил о своей безумной идее создать к Лите летательный аппарат, чтобы отвлечь внимание общественности от нашей традиционной выставки. Вот такая мелочная у него душонка, что он решил отомстить порядочным джентльменам подобным отвратительным образом!

Если бы мистер Мирт слышал этот диалог, он пришел бы в глубочайшее удивление. Ему и в голову не приходило давать объявление о том, что он строит дирижабль, тем более указывать точные сроки – с учетом всех мучений, которые дирижабль доставлял им с Ортансом. В отличие от паровой машины дирижабль не планировался быть представленным к выставке, а потому воспринимался Миртом как личный каприз, и он вкладывал в его постройку исключительно собственные сбережения. Газет он, будучи погруженным в работу, тоже не читал, а потому пребывал в блаженном неведении относительно заметки мистера Эвана Уотерса о том, что не позднее Литы мистер Мирт запустит свой летающий аппарат и взлетит выше солнца и облаков.

– Да, я слышал об этом, – сказал Фэйгрис. – Мой человек работает над тем, чтобы получить всю информацию в первую очередь.

– Ух, как меня это злит! – воскликнул лорд Дарроу. – Не ваш человек конечно, Фэйгрис. А то, что Мирт опять перетягивает на себя и свои игрушки все внимание общест-венности. То, что ему по каким-то неведомым мне причинам благоволит мистер Уолш, еще не дает ему право...

Возмущение переполнило лорда Дарроу так, что у него кончился воздух и он вынужден был замолчать. А потом решительно перешел к делу:

– В общем, Фэйгрис, мне нужна ваша помощь. В одиночку мне его не одолеть!

Мистер Фэйгрис посмотрел на лорда Дарроу поверх стака-на с бренди.

– И какого же рода помощь вам требуется, друг мой?

– Помощь человека, чье слово имеет большой резонанс! – Лорд Дарроу наклонился к нему и понизил голос: – Напри-мер... Разгромная статья! Заметка! Что угодно, что подорвет доверие публики к нему и заставит разочароваться в идее этого летательного аппарата!

– И вы думаете, это сработает?

– Безусловно. Знаете же, как это работает с чарами фаз? Звенит колокольчик, и чары спадают!

– Значит, вы хотите, чтобы я стал таким колокольчиком?

– Да, Фэйгрис, вы ухватили самую суть!

Мистер Фэйгрис задумался.

– Видите ли, мой дорогой... Не то чтобы я был против... Но «Вести Тамессы» – это издание, которое всегда беспри-

страстно оценивает происходящее и стремится донести только правдивые и самые интересные новости. Доверие наших читателей – наша лучшая валюта!

Здесь мистер Фэйгрис немного кривил душой – один экземпляр ежедневной газеты стоил три пенса, и именно это было лучшей валютой как для мистера Фэйгриса, так и для всех работников редакции. Однако в глазах окружающих он предпочитал выглядеть благородным писателем, а вовсе не бессердечным дельцом, и усиленно поддерживал эту легенду при любом удобном случае.

– Но так я и предлагаю вам правду! Истину! Вы сможете раскрыть читателям глаза на этого задаваку Мирта, все отвернутся от него, он лишится поддержки и приползет на коленях умолять принять его обратно в клуб! – кипятился лорд Дарроу.

Мистер Фэйгрис, однако же, сомневался, что мистер Мирт, с учетом его связей и происхождения (а ему, благодаря обширным источникам информации, многое было известно), хоть сколько-нибудь пострадает от раскрытия «правды», предложенной его светлостью. Но он также не собирался оставлять приятеля без возможности какого-либо реванша.

– Вот что, друг мой, я понял вас, ваши цели и желания. Но есть одно «но»! «Вести Тамессы» уже освещают деятельность Мирта. Если мы сейчас сменим курс, то будем выглядеть в глазах читателей непоследовательными, что подорвет

доверие к нам. Нет, я не могу так рисковать!

О том, что его журналист уже плотно ведет Мирта и намерен освещать каждый его шаг, мистер Фэйгрис умолчал, посчитав информацию лишней. У него уже родился план, который он и намеревался представить лорду Дарроу.

– Но что же мне тогда делать, – лицо лорда Дарроу горестно вытянулось. – Признаться честно, я очень на вас надеялся!

– Не беспокойтесь! Я знаю, как нам поступить! – Мистер Фэйгрис подмигнул лорду Дарроу и сделал глоток бренди.

– Если знаете, то не томите! Рассказывайте уже! – потребовал лорд Дарроу, чье лицо покраснелось от волнения.

– У меня есть приятель. Он многим мне обязан, признаться честно, именно я посадил его на это место...

– Какое место?!

– Место главного редактора небезызвестного издания «Панч».

На несколько мгновений воцарилась тишина.

– «Панч»? – недоверчиво переспросил лорд Дарроу. – Эта возмутительная газетенка, полная кляуз и оскорбительных картинок?

– Именно она. Мой приятель Лайм с удовольствием выполнит мою маленькую просьбу.

– Но как «Панч» поможет решить мою проблему?

– Вы разве не знаете, что этот журнал читают те же люди, что и «Вести Тамессы»? – Губы мистера Фэйгриса сло-

жились в коварную усмешку. — Узнавая от нас самые последние новости, они первым делом устремляются узнать, что о них думает общественность. А «Панч» — это отражение общества! Они даже публикуют письма и рисунки читателей, что повышает лояльность к ним. Но и свой карикатурист у них весьма неплох, молодой талантливый парень по имени Тэмбурн!

— Карикатурист?..

— Я вижу, вы начинаете понимать суть моего плана!

— Признаться честно, нет.

— Ох, Дарроу! — Мистер Фэйгрис тяжело вздохнул и принялся объяснять: — Мы сейчас же отправим письмо Лайму, и Тэмбурн в тот же час сядет за работу, отбросив все прочие дела: уверяю, на это я повлиять в силах! И уже завтра общественность, взволнованная известием о потрясающе нахальном желании выскочки Габриэля Мирта покорить небо, увидит настоящий резонанс. Одна карикатура, мой друг... Всего одна карикатура может сломать хребет верблюду...

— Во имя Дану, какому верблюду?!

— Это образное выражение! Я имею в виду, что умелая карикатура, расположенная в нужном месте в нужное время, сломала уже немало карьер людям гораздо более высокого полета, чем Габриэль Мирт.

Лорд Дарроу помолчал некоторое время, о чем-то раздумывая.

— Ладно, вы правы, Фэйгрис.

Он тоже выписывал «Панч» и читал за обедом, а потому прекрасно знал, что имеет в виду мистер Фэйгрис, говоря о резонансе.

– И как я сам не подумал... Карикатура! Это же гениально! Вы уверены, что этот Тэмбурн справится?

Мистер Фэйгрис хитро прищурился:

– Поверьте мне, друг мой, этот малый – настоящий профессионал!

Вскоре все детали были улажены.

Когда лорд Дарроу и мистер Фэйгрис покинули ресторан, письмо к мистеру Лайму уже было отправлено вместе с мальчишкой-посыльным. Лорду Дарроу пришлось заплатить мальчишке целый шиллинг, однако он не жалел – в таких делах, как месть, жадность лишь мешает.

– Лайм пришлет вам счет, – сказал мистер Фэйгрис.

– Я не поскоплюсь, – пообещал лорд Дарроу, и приятели расстались до следующей встречи.

Мистер Фэйгрис поймал кеб и умчался обратно в редакцию. Лорд Дарроу же медленно побрел к набережной, где его ожидал экипаж с личным кучером. Его переполняло взволнованное ликование. Скоро, скоро проклятый Мирт получит по заслугам! Поплатится за позор!

Мечты о том, как униженный и раздавленный Мирт будет вымаливать у него прощение, скрасили лорду Дарроу весь оставшийся вечер – и, возможно, даже сон.

ИЗ ДНЕВНИКА АМЕЛИИ ЭКОНИТ

Лунденбурх, апрель 18** года

Иногда мне кажется, что я ужасно глупая. Что всего времени, проведенного вместе с папой над его изобретениями и учебниками по математике, не хватило мне, чтобы развить свой ум так, как того требует наше с Габриэлем дело.

Я всегда считала себя хорошим механиком, но оказалось, что мало уметь собрать вещь, уже кем-то созданную, для того, чтобы изобрести что-то новое. Изобретения требуют широкого ума, лишённого всяческих рамок и границ. Таков ум Габриэля – быть может, все оттого, что он не человек, но и не фаз, а мост, соединяющий наши народы. Он хорошо знает людей и одарен так, как никто из смертных, и он совершенно ничего не боится! Это особенно восхищает в нем.

В ангаре я порой чувствую себя бесполезной. Все делают Габриэль и Джон. Джон очень хорошо понимает, что Габриэль хочет сделать, и тоже находит свои решения... У него много клиентов, ему доверяют и у него золотые руки – конечно, он может сделать невозможное! Я лишь надеюсь,

что, встав у руля гондолы, когда дирижабль поднимется в небо, я окажусь на своем месте и смогу довезти нас до запланированной точки без каких-либо сбоев.

А пока мне остается только слушать их разговоры и наблюдать за тем, как создается чудо.

Вот как вчера: Габриэль и Джон спорили до хрипоты, что им сделать с оболочкой, чтобы найти нужный баланс. Помимо нововведений, придуманных Габриэлем для того, чтобы корпус лучше вел себя в воздухе, нужно что-то еще. Что-то, что защитит оболочку дирижабля от излишнего напора пара. Как я поняла, слабый напор был одной из причин, по которой оболочка не надувалась как следует. Но даже надежные укрепления не застрахуют от того, что сильный напор деформирует ее или она вовсе лопнет. Мне и в голову не могли прийти такие риски!

Габриэль наглядно продемонстрировал нам это на мини-атюрной модели дирижабля. При слабом напоре гондола не поднялась. А при сильном – лопнула у меня на глазах. Все как он говорил! Все! Я бы не хотела, чтобы такое случилось, пока мы находимся в воздухе.

Я не помню, кто первый предложил сделать дополнительный шар с воздухом. Они назвали его «баллонет». Шар, в который можно будет подавать пар или снижать давле-

ние и который будет регулировать натяжение оболочки изнутри, но при этом, если лопнет баллонет, – не пострадает оболочка.

И вчера мы мастерили его до глубокой ночи – хорошо, что дядюшка Джефффри сказал матушке, что я буду ночевать у него в честь грядущего Белтейна, иначе матушка съехала бы меня со света. Она очень старательно это делает...

Но есть что-то хорошее в ее тираническом воспитании! Я превосходно умею шить, а тонкий шелк прекрасно прошивается крепкой атласной нитью. Правда, после того как Габриэль утопил его в бочке с раствором каучука и спирта, это стало немного сложнее! Но мне все равно было весело. Хотя Поупу, которого он заставил сутки стоять в бочке поверх ткани, было еще веселее – он целый день шатался потом точно пьяный, видимо, пары спирта въелись в его каменные поры.

Так вот, оболочку для дирижабля сшила я. Этими самыми руками. Возможно, я все-таки не совсем бесполезна? Мне хотелось бы так думать. Иначе моя жизнь становится слишком мрачной...

Глава 5. Хрустящая розовая тафта

Мисс Амелия Эконит не любила утренние визиты. Однако ее матушка миссис Эконит обладала таким количеством знакомых – казалось, она свела знакомство со всеми влиятельными семьями Лунденбурха и окрестностей, – что избежать их было невозможно. Каждый четверг двери особняка Эконитов открывались для distinguished дам и джентльменов, желающих оказать любезность почтенной леди и ее знаменитой дочери. Нельзя не отметить, что после запуска паровой машины посетителей прибавилось: каждому хотелось провести время за беседой с той самой юной мисс – остроумной, ироничной и неизменно доброжелательной. И только детям Дану известно, чего стоила мисс Амелии эта доброжелательность.

Сегодня с утра матушка велела надеть самое ненавистное платье, и это значило одно – опасность!

Не было ни единого дня, начавшегося с этого платья, который бы закончился хорошо.

Настроение мисс Амелии испортилось. Только вчера на заседании «Общества суфражисток» мисс Эконит спорила с бравой мисс Анной Коттон, отказавшейся от корсета и всерьез планирующей без всякой на то причины явиться на какое-нибудь общественное мероприятие в мужском сюртуке, что следовать нормам приличия просто необходимо.

Мисс Амелия была уверена, что нельзя радикально изменить мышление людей, многие века существовавших в совершенно другой парадигме. Изменилось ли общество после Призыва Просвещения? Нет. Изменились ли люди после запуска паровой машины? Тоже нет. Любые перемены – дело долгое и последовательное, требующее кропотливой работы!

Мисс Коттон возражала, что без эпатажа и радикальных мер общество, инертное само по себе, никогда не достигнет того состояния, которое удовлетворило бы суфражисток.

Женщинам так и не удалось прийти к единому мнению по этому вопросу. Приехала председательница общества мисс Кюррант, и внимание всех присутствующих переключилось на обсуждение парада суфражисток, который был намечен на осень.

Мисс Амелия была убеждена в своей правоте, но сейчас, держа в руках платье отвратительно-зефирного розового цвета, совершенно не подходящее к ее глазам и волосам, но зато сшитое из баснословно дорогой лигурийской ткани, она впервые задумалась о том, что в словах Анны Коттон было зерно истины.

– Мисс?.. – встревоженно окликнула ее горничная. – Вы как-то задумчивы сегодня... Вы не заболели? Может, позвать врача?

Мисс Амелия вздохнула. Что за мир такой, в котором задумавшуюся женщину сразу клеймят больной. Хорошо, что это юное дитя никогда не видела мисс Амелию в мастерской

за расчетами или сбором каких-нибудь деталей (время от времени она помогала Габриэлю с каким-нибудь заказом за вечерним чаем).

Дело суфражисток необходимо – как раз чтобы просвещать таких вот юных девиц...

– Нет, я в порядке, – собравшись с мыслями, ответила она. – Помоги мне одеться, пожалуйста.

Еще один повод не любить такие платья... Мисс Амелия, как и большинство участниц «Общества суфражисток», предпочитала в быту корсеты, которые легко было зашнуровать на груди самой, не прибегая к унижительной помощи других. На взгляд мисс Амелии, все, что заставляло женщин ощущать свою беспомощность, должно кануть в прошлое в первую очередь.

Но чудовищность розового платья заключалась далеко не только в самом факте затягивающегося сзади корсета, но в том, насколько он был тугой! Мисс Амелии пришлось вцепиться в столбик кровати, пока горничная утягивала корсет поверх тонкой батистовой рубашки с короткими рукавами. Узкие лямки платья пережимали плечи и становилось тяжело дышать.

Панталоны под платье пришлось выбрать тоже самые нежные – дороговизну ткани верхнего платья миссис Эконит компенсировала жесткой экономией на всем остальном. Грубые нижние юбки порвали уже не одну пару чулок. Мисс Эконит сунула ноги в атласные туфельки – еще одно орудие

пыткок – и попыталась вздохнуть. Получилось с трудом.

– Позвольте, я причешу вас, мисс? – горничная потянулась к ее волосам.

Мисс Амелия едва не шарахнулась.

– Нет, пожалуй, не стоит, – с трудом взяв себя в руки, говорила она. – Я способна причесать себя сама.

Даже самое ужасное платье не заставило бы мисс Эконит выпрямить передние пряди и обрамить ими лицо, сделав сзади гладкий пучок! Такую прическу носила королева Элиза Блюбелл, и, несмотря на то что с момента Призыва Просвещения минуло уже семь лет, благородные дамы не спешили отказываться от строгой консервативной куафюры. Но не мисс Амелия.

Решительно отобрав у растерявшейся горничной щетку для волос, она несколько раз провела ею по волосам и отбросила. Пальцы привычно заплетали волосы в свободную косу, закрепить которую на затылке можно было с помощью нескольких шпилек. Вот и все, и аккуратная прическа готова – просто и без излишеств.

– Еще румяна, мисс... – не унималась горничная.

– Нет, – твердо ответила мисс Амелия. – Никаких румян.

А также свинцовых белил, помад и туши для ресниц. Мисс Амелия находила все это избыточным. Ее кожа была в прекрасном состоянии, а лицо – достаточно свежим и юным, чтобы не использовать ничего дополнительно. К тому же она не представляла, зачем вообще нужна косметика,

если не для соблазнения мужчин, а это не входило в сферу ее интересов.

Ведь Габриэлю – она знала! – она нравилась и так!

Горничной пришлось уступить. Поклонившись, она покинула спальню мисс Амелии.

Мисс Амелия вышла следом и остановилась на лестничной площадке. Снизу доносился гул голосов – утренние визиты были в самом разгаре.

«Всего пара часов, и я буду свободна ехать в ангар».

С этими мыслями она стиснула кулаки и медленно направилась вниз.

* * *

В большой и светлой гостиной Эконитов собралось много народу. Большинство были так или иначе представлены мисс Амелии: заклятая подруга миссис Эконит по клубу добродетельных жен миссис Тальбот, ее дочь Джиннифер, которую всячески прочили Амелии в лучшие подружки, и ее компаньонка мисс Теренс, сухопарая женщина в возрасте, предпочитающая старомодное вязание любому другому досугу. Была здесь и семейная пара – недавно овдовевший мистер Эббот, уже успевший жениться вновь на молоденькой девице по имени Ребекка и теперь активно выводящий ее в свет. Еще одна добродетельная подруга миссис Эконит, миссис Мэйбл, явилась в этот раз без дочери, лишь в сопровождении компа-

ньонки – но мисс Агата Брукс производила впечатление куда более приятное, нежели мисс Теренс. Мисс Амелия готова была побиться об заклад, что видела мисс Агату на нескольких собраниях «Общества суфражисток». Мисс Агата встрети­лась с мисс Амелией взглядом и хулигански подмигнула ей, словно подтверждая ее догадки.

Что ж, минимум перед одним человеком, чье мнение можно уважать, мисс Амелия выставила себя на посмеи­ще, согласившись на это платье.

Больше никогда, – пообещала она себе. – Больше никогда!

Громкий хруст тафты заглушал шаги и голоса. Поэтому она не сразу обнаружила присутствие еще одного малопри­ятного гостя.

Мистер Стэнли Ричардс собственной персоной.

Тот самый лендлорд из Эйре, за которого миссис Эко­нит вознамерилась пристроить замуж дочь – и, видимо, та недооценила безжалостную серьезность намерений заботли­вой матери. Что ж, дядюшка Джефффри порадует­ся тому, как скоро племянница навестит его снова – с самой что ни на есть животрепещущей темой для разговора!

Мисс Амелия позволила себе остановиться в дверях и внимательно осмотреть предполагаемого жениха.

Мистер Стэнли Ричардс отличался высоким ростом и су­хопарым телосложением. Длинные руки заканчивались ла­донями такими большими и крепкими, словно он мог сжать в них подкову. Под скромным, но удобным шерстяным сюр-

туком чувствовалась сила человека, проводящего целые дни на свежем воздухе. И наверняка промысляющего охотой. В Эйре вечно то охотятся, то партизанят – кажется, ничего другого в стране рыжих и недовольных не происходит. Мистер Ричардс, само собой, был рыж, вихраст и конопат. Волосы его удерживала зеленая лента, оттого он походил на сильно вытянутого в длину лепрекона. На ногах у него, вопреки приличиям, были сапоги. Возможно, он пренебрег услугами кебмена и приехал сюда верхом.

Возможно, он скакал верхом от самой Эйре.

Мисс Амелии это было совершенно не интересно.

Но она отчетливо понимала, что грядущие два часа будут самыми отвратительными в ее жизни за последние несколько месяцев.

Мистер Ричардс, увидев мисс Амелию, поднялся ей навстречу и учтиво поклонился. Мисс Амелия, чувствуя, что взгляды всех присутствующих в комнате устремлены на них, заставила себя сделать книксен.

– Мистер Ричардс! – тут же защебетала миссис Эконит. – Вот и она, вот и Амелия. Да что ты встала! – тон ее моментально переменялся, стоило ей обратить внимание на дочь. – Проходи, садись в кресло и постарайся ничего не испортить!

Последние слова миссис Эконит произнесла свистящим шепотом.

В переводе это означало «без всяких суфражистских шту-

чек», потому что, по мнению миссис Эконит, то была блажь, которая быстро пройдет с замужеством, а осквернять слух благородного лорда идеями женской независимости было совсем уже ни к чему.

Мисс Амелия, взяв себя в руки, одарила мистера Ричардса самой вежливой улыбкой из своего арсенала и послушно села в кресло.

Два часа. Она повторяла это про себя как мантру. Два часа.

А Габриэль, наверное, сейчас сидит на усыпанном опилками полу рядом с корпусом гондолы и правит скобы, которые начали отходить – не иначе как от сырости. Амелия подумала о закатанных рукавах его рубашки, распушенном шейном платке и собранных в узел на затылке волосах и вздохнула. Мистер Ричардс расценил ее вздох, видимо, совсем по-другому и немедленно принялся ухаживать за потенциальной невестой.

Он оказался очень словоохотлив.

Всего за полчаса и две чашки чая мисс Амелия, помимо своей воли, выяснила, что он владеет старейшим поместьем в Эйре. Раньше оно было полно жизни – когда была жива его достопочтенная матушка, в которой он души не чаял. Но, к сожалению, scarlatina унесла ее душу и теперь она пляшет в Холмах, как он надеется, ведь сиды милосердны к добродетельным...

Сиды. В Эйре даже фаэ называют по-другому! Все у них

не как у людей!

Мисс Амелия сделала глоток уже остывшего чая. Даже если бы она стремилась поддержать беседу, мистер Ричардс просто не предоставил ей такого шанса.

Он продолжал рассказывать, сколько акров земли у него есть, какие уголья и каково поголовье овец, за которым следят прекрасный пастух и лучшие собаки страны!

— Овцы — это очень важно, — сдавленно выдавила мисс Амелия и, к своему ужасу, поняла, что мистер Ричардс расценил это как проявление оживленного интереса.

— Конечно важно! — воскликнул он. — Ведь это показатель здоровья и богатства землевладельца!

Как связаны здоровье землевладельца и поголовье овец, мисс Амелия не поняла, но, с целью сохранения собственного рассудка, предпочла не выяснять. С каждым словом мистера Ричардса мисс Амелии казалось, что ее уводят все дальше и дальше от прогрессивного настоящего в унылое прошлое — века эдак на три назад.

Мистер Ричардс презирал достижения науки! В его доме не было даже парового котла, а камин топился исключительно углем.

При достойной матушке в доме было много слуг, но сейчас, конечно, мистер Ричардс часть их распустил, и Южное крыло пришлось закрыть. Но когда в доме появится хозяйка, готовая взять на себя все хлопоты и заботы об огромном поместье, конечно, в доме снова заиграет жизнь. Ма-

леньким детишкам будет где побегать...

Мисс Амелия бледнела с каждым словом.

До этого момента она только отмахивалась от матушкиных навязчивых идей о браке и старалась особо не вдумываться в то, что за этим стоит. Но в своем коварстве матушка превзошла саму себя, решив выдать ее за устаревшего абсолютно во всем домашнего тирана!

Мисс Амелия могла представить себя где угодно: за рулем паровой машины, во главе грядущего парада суфражисток и даже в палате лордов, полноценным членом Парламента. Но и ее изобретательного воображения не хватало, чтобы нарисовать картину будущего, в котором она хлопочет по дому и воспитывает детей, не делая больше ни-че-го.

Мисс Амелии стремительно становилось нечем дышать. Она уже раздумывала было, не пора ли упасть в обморок, и хотя бы таким – совсем не суфражистским! – способом покинуть застолье, как в дверь постучали.

Дворецкий тут же доложил о неожиданном госте, ожидающем у двери.

Миссис Эконит нахмурилась.

– Странно, – проговорила она. – Я больше никого не ждала.

– Утренние визиты, моя дорогая, – снисходительно ответила ей миссис Тальбот. – Никогда не знаешь, кто решит оказать любезность и поцеловать вашу розовую ручку!

Здесь она была права – многие господа и дамы во время

утренних визитов имели обыкновение наносить и незапланированную встречу. Они ничего не теряли: если хозяина не было дома, они просто передавали ответное приглашение через дворецкого, а в ином случае могли попасть к застолью и провести время с пользой и удовольствием.

Миссис Эконит ничего не оставалось, кроме как согласиться с ее правотой. Кивнув дворецкому, она велела привести прибывшего в гостиную.

Мисс Амелия, пользуясь возможностью отвлечься от сло-воизлияний мистера Ричардса, повернула голову и в тот же миг пожалела, что решила все-таки пренебречь обмороком.

На пороге стоял мистер Габриэль Мирт.

* * *

Миссис Эконит смотрела на мистера Мирта как на редкое, не изученное наукой насекомое. Но его статус и положение в обществе связывали ей руки, и пришлось подавить искреннее желание указать наглцу на дверь. Вместо этого она выдавила из себя приторно-вежливую улыбку и пригласила его к столу. Дворецкий мистер Майлис, поймав взгляд хозяйки, немедленно отдал слугам распоряжение принести еще один столовый прибор.

Мистер Мирт, в свою очередь, с некоторым удивлением осматривал собравшихся. Платье мисс Амелии повергло его в определенный шок – ему еще не доводилось видеть ее в та-

ком виде, обычно она приезжала в темных одеждах, которые не страшно было испачкать копотью или машинным маслом. Однако он прежде никогда не наносил визиты мисс Эконит – стоило предполагать, что иногда она носит и общепринятые платья. Впрочем, нет, это все равно было странно. Мученический взгляд мисс Амелии сказал ему все – она молила о спасении из этого милого общества. Мистер Мирт прекрасно был осведомлен о сложных отношениях мисс Амелии с матушкой, а потому быстро дорисовал в уме картину происходящего – и она ему не понравилась. Он вперил взгляд в сухопарого ирландца, рассеявшегося на изящной банкетке, словно на садовой скамейке у себя дома. Все здравые размышления о необходимости дать мисс Амелии свободу и рассуждения о собственном происхождении и сложностях, вызванных ими, мгновенно испарились. Мистер Мирт был подменышем фаз, а значит, обладал гордым и горячим нравом, да и воспитание в королевской семье наложило свой отпечаток. К тому же мистер Мирт был в первую очередь мужчиной. Словом, его обуяла решимость поставить наглеца на место.

Он уселся в кресло, предложенное дворецким, и позволил налить себе чай.

Мисс Амелия, тихонько вздохнув, села напротив. Ее надежды на благоразумие Габриэля растаяли с пониманием, что он не украдет ее в ангар прямо сейчас! Это было бы лучшим решением. Но Габриэль выбрал иной путь.

Миссис Эконит представила гостя, а затем и всех присут-

ствующих. Мистер Ричардс смотрел на него с ленивым оценивающим любопытством. Подруги миссис Эконит – с откровенным интересом.

– Значит, вы и есть тот самый изобретатель? – спросила миссис Тальбот, глядя на мистера Мирта поверх небольших очков.

– Смотря что вы подразумеваете под словами «тот самый», – чуть усмехнулся мистер Мирт.

– Это же вы изобрели паровую машину? – спросила мисс Джиннифер.

Мисс Амелия отметила, что это были первые слова, произнесенные мисс Джиннифер за целое утро. Это ей совершенно не понравилось, и она поспешила вмешаться:

– Да, мистер Мирт изобрел паровую машину и множество других замечательных вещей, которыми вы наверняка пользуетесь в быту!

– Значит, вот кто заставил вас управлять этой коптящей железной штукой? И едва не убил? – сухо уточнила миссис Мэйбл. – Поражаюсь, дорогая, как ты могла разрешить своей дочери пойти на такую... авантюру.

Слово «авантюра» миссис Мэйбл произнесла, скривив рот и чуть зажмурившись, как будто оно само по себе было чем-то мерзким или ядовитым. Например, живой жабой.

– Смею вас уверить, миссис Мэйбл, мисс Эконит очень сложно заставить что-либо сделать, – все с той же легкой полуулыбкой ответил мистер Мирт.

Он держался очень строго и прямо, словно присутствовал на королевской церемонии, а не на завтраке в гостях у своей подруги. Впрочем, иные королевские церемонии таили в себе опасность меньшую, чем взгляд миссис Эконит, которым она не прекращала буравить гостя.

– Наоборот, я сама уговорила мистера Мирта доверить мне эту честь, – кивнула мисс Амелия.

К ее неудовольствию, в разговор вмешался мистер Ричардс. Он посмотрел на мистера Мирта с каким-то неприятным покровительством во взгляде и произнес:

– Надеюсь, вы понимаете, что, когда моя дорогая мисс Эконит станет моей супругой, участвовать в такого рода развлечениях будет ниже ее достоинства?

Мистер Мирт выглядел так, словно ему прилюдно отвесили пощечину. Однако он выпрямился еще сильнее и проговорил:

– Я полагаю, мисс Эконит способна сама выбирать, что ей делать и в чем участвовать.

Мисс Амелия немедленно подхватила:

– Изобретения мистера Мирта – научное чудо. Мы вместе меняем наш мир прямо сейчас. Эпоха Просвещения не случайно названа таковой. Весьма глупо и недальновидно называть это «развлечением».

– Для мужчин – конечно, – нахмурилась миссис Тальбот. – Но разве это дело женщин? Наша доля – обеспечивать возможность мужчинам играть в их игрушки. Моя Джинни-

фер даже не подойдет ни к чему такому, правда?

Мисс Джиннифер скорчила гримаску, которая, надо полагать, означала, что она бы с радостью, вот только матушка не пустит.

– Ну что вы, миссис Тальбот! – возразила мисс Агата. – Приближаться надо! Вот паровая машина теперь может довести нас в Эдинбург куда быстрее повозки!

– Но не ты же будешь ею управлять! – сурово сказала миссис Эббот. – И вообще... Лучше уж повозка! Я, конечно, сяду в паровую машину, но только если мистер Эббот скажет мне!

Мистер Эббот бросил на мистера Мирта виноватый взгляд. Мол, я бы рад вступить за твой паровоз, приятель, но видишь, какое дело, – жена не одобряет!

Миссис Эконит немедленно поддержала подругу:

– Вот видишь, Амелия! Конечно, ты поступила опрометчиво, но уж дальше ты, надеюсь, не предпримешь ничего подобного? Уверена, мистеру Ричардсу это не понравится.

– Говорят, мистер Мирт, вы строите какую-то летательную машину?

– Вот это было бы совсем чересчур!

– К сожалению, матушка, – с ангельской улыбкой отозвалась мисс Амелия, – я не привыкла согласовывать свои планы и действия с какими-либо другими людьми, кроме себя самой. И уж тем более к ним никоим образом не относится мистер Ричардс!

Мистер Ричардс открыл было рот, чтобы возразить – видно было, что шпилька мисс Амелии его уязвила. Но в этот момент за окном раздались звонкие мальчишеские голоса:

– Газета, газета! Свежая газета!

Миссис Эконит, услышав их крики, позвонила в колокольчик, и на пороге возник дворецкий.

– Мне кажется, я слышу газетчиков, – обратилась она к нему. – Принесите свежую газету, если это «Панч»! Он всегда такой интересный, – повернулась она к гостям. – В нем всегда печатают самые свежие новости!

Через пару минут в гостиную вошел дворецкий, и в самом деле держа в руке новый выпуск «Панча». Миссис Эконит просто обожала эту газету, считая более достоверным источником новостей, нежели «Вести Тамессы» и другие крупные издания.

Разговор прервался – газету немедленно разобрали на полосы и принялись изучать. Все, кроме мистера Мирта и мисс Амелии, демонстрирующих солидарность в полном равнодушии к «Панчу» и всему, что там написано. Они пили чай и молча переглядывались.

Уедем, говорили глаза мисс Амелии.

Сию же минуту! – отвечали глаза мистера Мирта.

Такие переглядывания были верхом неприличия, и миссис Эконит уже собиралась было одернуть дочь, как вдруг мистер Ричардс, перевернув страницу, сказал с ядовитым смешком:

– Что это у нас здесь такое? Никак мистер Мирт отличился опять!

Все присутствующие повернули к нему голову. Радуюсь, что оказался в центре внимания, мистер Ричардс выдержал театральную паузу, прежде чем развернул газетную полосу к жаждающим узнать, в чем же дело.

Воцарилась тишина.

Карикатурист постарался на славу – имея весьма слабое представление о том, что такое дирижабль, он тем не менее изобразил что-то очень близкое к правде, ориентируясь, должно быть, на заметку в «Вестях Тамессы». А может быть, и вовсе на описание мистера Уотерса – настолько узнаваемым был силуэт гондолы под наполненным паром шаром.

Только вот вместо гондолы там был изображен сильно искаженный мистер Мирт. Однако карикатурист, увы, был талантлив – он ухватил все яркие черты своей модели. Это было несложно: паропортреты мистера Мирта много раз публиковали в газетах.

Унизительный сюжет карикатуры так же легко считывался – мистер Мирт, держа в руках руль, планировал над крышами Лунденбурха, подвешенный к надутой оболочке за подтяжки.

Миссис Тальбот, миссис Мэйбл и миссис Эббот услужливо захихикали, косясь на миссис Эконит. Ее явно порадовало такое изображение мистера Мирта.

Мистер Эббот только робко развел руками – ему явно было неловко при этом присутствовать. Мисс Амелия побелела от ярости.

Мистер Мирт был весь как натянутая струна.

Мистер Ричардс торжественно проговорил:

– Взгляните, какая точная, удачная мысль! Все ваши изобретения, мистер Мирт, – лишь позерство, и нет никакой разницы между летательным аппаратом – какая глупость! – и вот таким комичным полетом. А может быть, это именно то, что вы собираетесь делать?

– Какая чушь! – воскликнула мисс Амелия, но мистер Мирт жестом попросил ее замолчать.

Он медленно и очень аккуратно поставил чашку на стол и поднялся.

– Газета, что вы держите в руках, – второсортное издание. В котором люди, возможно, талантливые, разменивают свой дар на унижение других. Я считаю ниже своего достоинства обращать на подобное внимание и, в отличие от вас, взял бы такую страницу исключительно в перчатках. Позвольте в связи с этим, мистер Ричардс, не жать вам руку на прощание.

Все замолчали, явно не ожидая от мистера Мирта такого спокойствия. Хоть мистера Мирта внутри трясло от ярости, в голосе и движениях это не отражалось. Он подошел к креслу мисс Амелии и подал ей руку. Она решительно вложила в нее свою.

– Прошу прощения, господа, я вынужден откланяться. Я

не планировал так долго задерживаться, поскольку, как вы правильно изволили отметить, я строю летательный аппарат и стараюсь не выбиваться из графика. Дисциплина – основа любой деятельности, а когда дело касается науки, только безумец стал бы пренебрегать ею. Поэтому позвольте мне и моей ассистентке приступить к работе. Благодарю за чай.

Не дожидаясь, пока кто-либо – особенно миссис Эконит – скажет в ответ хоть слово, мистер Мирт и мисс Амелия стремительно вышли в коридор. Мгновением позже они уже торопливо шагали через сад рука об руку.

Миссис Эконит, придя в себя от шока, бросилась следом.
– Амелия! – крикнула она, выбежав на крыльцо. – Ты не можешь так поступить, Амелия! Немедленно вернись! Не позорь меня! Только не в этом платье!

На счастье мистера Мирта и мисс Амелии, свободный кеб как раз проезжал мимо ворот особняка. Он притормозил, увидев жест мистера Мирта, и они вскочили в него буквально на ходу. Пышные юбки мисс Амелии заняли все пространство, и Габриэль сел прямо на них. Она не обратила на это никакого внимания. Ее пальцы крепко обхватили ладонь Габриэля, и она пыталась поймать его взгляд.

– Габриэль... – тихо звала она. – Посмотрите на меня. Пожалуйста.

– Это... было унижительно, – выдохнул мистер Мирт. – Не думал когда-либо оказаться в подобной ситуации... Да еще

и перед вами.

– Просто не думайте об этом, пожалуйста, – взмолилась мисс Амелия. – Мне так стыдно, что вы вообще все это застали. Я потому и не приглашала вас, что знала: с моей ма-тушкой всегда так! А этот... жених! Кому он сдался! Вы бы слышали, что он нес! Впрочем, хорошо, что вы не слышали.

Мистер Мирт прижался лбом к стеклу, тяжело дыша.

– Знать бы, кто это устроил... Мне все равно, что говорят обо мне, но это бросает тень на вас! Амелия, подумайте еще раз, может, они правы, может, вам не стоит быть пилотом в этот раз? Вас могут также опозорить...

– Ну вот еще! – с опасным весельем в голосе ответила мисс Амелия. – Если бы я боялась общественного осужде-ния, я никогда бы не стала суфражисткой! Это естествен-но для общества – высмеивать непонятное. Но если огляды-ваться на каждого глупца, двигаться вперед станет труднее.

– Вы правы, моя дорогая. Наша цель – прогресс. Дири-жабль!

– Думайте о дирижабле, друг мой, – мисс Амелия пода-лась вперед и прижалась прохладными губами к его лбу. – Те, кто это сделал, еще поплатятся. Ваш триумф встанет им костью в горле. Это не вас они изобразили в карикатуре, а себя. Свою косность и непонимание! Свою глупость!

– Где бы я был без вашей мудрости, – улыбнулся наконец мистер Мирт и слегка сжал ее руку в своей.

ИЗ ДНЕВНИКА ГАБРИЭЛЯ МИРТА

Лунденбурх, апрель 18 года**

Всю свою жизнь я был уверен, что я спокойный и рассудительный человек. Меня воспитывали как принца, во имя детей Даннан! Я не должен позволять никому и ничему пошатнуть мое внутреннее равновесие...

Однако вынужден с прискорбием признать, что в какой-то степени понимаю Джеймса в его яростном, отчаянном желании отомстить за свой позор. Джеймс бы первый сейчас поднял меня на смех! Конечно, я сравнил: его позор и мой.

Но мой-то позор произошел на глазах Амелии!

Проклятые мальчишки! Мерзкая газетенка «Панч»! Что им стоило выбрать другое время?

...как будто у меня была возможность избежать знакомства с этим сомнительным произведением искусства.

Но откуда оно вообще возникло?

Неужели мое существование настолько отравило кому-то больную мозоль? Я даже предположить не могу кому. Вроде бы мои изобретения никому не мешают, а фермеру за ангар и территорию я заплатил с лихвой.

Еще этот Ричардс... Определенно, сегодня все наперекосяк. Права мисс Амелия, четверги – плохие дни.

Ох, руки сами сжимаются в кулаки, стоит вспомнить попытку высмеять меня перед ней. Какое счастье, что Амелия так чутка и добра, и яд их слов не отравил ее сердце. Она не смеялась.

Я... Я не хочу, чтобы Амелия вышла замуж за какого-нибудь Ричардса. Нет. Мисс Амелия заслуживает только самого лучшего!

...неужели я настолько безумен, чтобы счесть таковым себя?..

Глава 6. Яблоки и тайны

Мисс Амелия лежала на спине, вытянув перед собой руки, сжимающие гаечный ключ. Трижды проклятый и отправленный на вечное заточение в Холмы болт никак не желал поддаваться. Машинное масло тонкой струйкой стекало вниз, оставляя жирные пятна на блестящей розовой тафте. Мисс Амелия не обращала на это внимания.

Сегодня мотор гондолы дирижабля был ее основной задачей.

Едва явившись в ангар в обществе мистера Мирта, она сказала, что кипит от ярости, и потребовала выдать ей дело.

– Одно ваше слово, – ухмыльнулся Органс и вручил ей самый большой из своей коллекции ключей.

Органс успел детально изучить характер мисс Амелии, а потому знал, когда с ней лучше не спорить. Особенно по четвергам! Впрочем, обычно в четверг мисс Амелия избегала компании приличных людей, страдая в обществе, полагающемся юной даме, но сегодня она была достаточно сыта лицемерием и глупостью.

Не обращая внимания на взгляд, которым Цзиянь проводил подол ее платья, собирающий все опилки на своем пути, она скинула тесные туфли, оставшись в чулках, и полезла в гондолу.

Под мотором стояло ведро, в которое стекало масло в

ожидании свободных рук, готовых решить проблему. Руками этими обладала мисс Амелия, и Ортанс вздохнул с облегчением, поняв, что мотор можно выпустить из постоянного наблюдения. Сам он был слишком занят сборкой винта и просто не мог оказаться в двух местах одновременно.

Мисс Амелия закрутила три болта и ей остался последний – и именно он категорически отказывался сотрудничать. Это было невежливо с его стороны, но мисс Амелия только обрадовалась: это позволяло приложить всю силу рук и выместить на непослушном болте ярость и обиду за сегодняшнее утро.

Ключ наконец-то повернулся.

Болт встал на место.

Тоненькая струйка масла постепенно превратилась в капель, а затем и вовсе затихла.

Мисс Амелия откинулась на спину и удовлетворенно вздохнула.

– Готово, Джон! – крикнула она.

– Благодарю, мисс! – отозвался Ортанс. – Проверьте еще поршни. Они мне не нравятся.

– Как скажете!

Перебирать моторы мисс Амелия любила с детства – ее отец, мистер Гилдерой Эконит, мечтал, что однажды изобретет такой мотор, который заменит лошадь в кебе. Они даже обсуждали подобную идею с Габриэлем, но тот был на удивление непреклонен.

– Еще не пришло время, – сказал он. – Мы должны стараться для людей.

Мисс Амелия согласилась.

И теперь, проверяя, свободно ли движется поршень, перепачканная машинным маслом и угольной пылью, она снова чувствовала себя счастливой. Как может быть счастливым только человек, который занимается делом, для которого рожден.

Тем временем у Юй Цзияня было не менее важное занятие – он фиксировал на шелке оборочки стропы, за которые оболочка впоследствии цеплялась к гондоле.

– Видите ли, мистер Мирт, – со своей обычной спокойной вежливостью сказал он несколько дней назад, – я родом из Империи Хань, а у нас там другие отношения с небесами. Мы запускаем огромных воздушных змеев, чтобы почтить наших богов: Дракона, Феникса, Тигра и Черепаху. Иногда эти змеи бывают даже больше, чем оболочка нашего дирижабля. Мой народ настолько преуспел в искусстве запуска змеев, что я смею предложить свои скромные услуги по усовершенствованию креплений. А то есть некоторые шансы, что нас отбросит в сторону первым же сильным порывом ветра!

– Но ведь я уже укрепляю оболочку вот здесь и здесь, – удивился мистер Мирт. – Разве этого не хватит?

– Этого может быть достаточно, – согласно кивнул Цзиянь. – Однако я предпочел бы перестраховаться. Вы довери-

те мне эту работу? Мне не сложно.

Конечно, мистер Мирт доверил ему работу. И, конечно, это было сложно. Сцепление протеза с кожей ослабло и каждое движение от плеча причиняло боль. А орудовать огромной портновской иглой приходилось, задействуя всю руку.

Цзиянь осознавал, что переоценил свои силы, но не был намерен признаваться в этом. Только изредка с губ слетали неосторожные вздохи, и тогда он ловил на себе пристальный, внимательный взгляд Ортанса.

Сам Ортанс уже третий день совершенствовал недавно собранный винт. Что-то ему в нем не нравилось, и он никак не мог установить его на мотор, то разбирая, то собирая заново. Детали для второго винта просто лежали неподалеку, и он не обращал на них внимания.

– Считаешь, что дело в винте, а не в оболочке? – спросил мистер Мирт, останавливаясь за его плечом.

– Нет, Мирт, вы гений, – ухмыльнулся Ортанс, – но раз улучшаем, то давайте улучшать все. Это же первый в мире дирижабль, так давайте сделаем его непревзойденным!

Мистер Мирт только рукой махнул, зная по опыту, что Джона не переспоришь.

Вместо этого он разделся до жилета и сел за стол. Чертежи лежали на нем такой грудой, что порождали редко ведомое мистеру Мирту стремление к порядку.

И с удручающей частотой в бумагах среди расчетов и по-

строений попадались рисунки яблока – не механического, а вполне себе настоящего, с листочком на веточке. Габриэль прикусил губу и подумал, что создать механическое яблоко было бы намного более простой задачей, чем выполнить то, что предстояло им.

Он попытался заняться сверкой расчетов, но пресловутое яблоко никак не хотело покидать его мысли. Конечно, лучше яблоко, чем карикатура или ноги Амелии в чулках, которые он успел разглядеть, прежде чем, спохватившись, отвел глаза, но оно мешало сосредоточиться.

Мешало настолько, что, промучавшись не более четверти часа, мистер Мирт решительно поднялся и хлопнул ладонью по столу, привлекая внимание своей команды.

– Господа! – хрипло объявил он. – Нам с вами надо очень серьезно поговорить.

Для отдыха они отвели себе место у дальней стены амбара, прямо на полу, подстелив мягкое сено в качестве подушек. Платье мисс Амелии совсем пришло в негодность, покрывшись масляными пятнами, и она не могла скрыть довольной улыбки, украдкой поглядывая на них. Цзиянь сидел, опираясь на живую руку, и стараясь поменьше шевелить механической. Органс же, в отсутствие Поупа всегда бравший на себя обязанность обеспечивать команду всем необходимым, готовил чай на небольшой печке. Пузатый чайник выплескивал клубы пара, а в фарфоровом заварнике, принадлежащем

Цзияню, раскрывались листья чая с романтическим названием «Золотые брови скакуна».

Специально для консервативного мистера Мирта, неуклонно соблюдающего традиции, на низеньком столике рядом с чайником стоял молочник. И каждый раз, когда мистер Мирт разбавлял контрабандный ханьский чай молоком, Цзиянь ощутимо вздрагивал, однако молчал и компенсировал тем, что заставлял Ортанса соблюдать все правила чайной церемонии дома. На Ортанса, в отличие от мистера Мирта, он влияние имел.

Мистер Мирт дождался, пока все рассядутся с чашками в руках, и, прокашлявшись, произнес:

– Друзья мои. Уже второй раз мы стоим перед лицом великого открытия. До нас ни один человек не смог преодолеть притяжение Эйкумены и подняться в воздух.

– Только человек? – педантично уточнил Цзиянь.

Мистер Мирт отставил чашку на столик и развел руками:

– Друг мой, я, равно как и вы, никогда не был в Холмах и лишен знаний о том, что нынче творится у фаэ. Они, может быть, в своих талантах до такого дошли. Но я всего лишь скромный изобретатель, потому отвечаю за возможности нашего человеческого мира.

– Ну какой же вы скромный изобретатель, Габриэль? – с нежностью спросила мисс Амелия. – Вы помогаете людям, даже Парламент видит в вас спасителя...

– А вот в этом, – тяжело вздохнул мистер Мирт, – и за-

ключается наша нынешняя проблема.

Три пары глаз с одинаковым интересом уставились на него, и мистер Мирт почувствовал себя неудобно. В такой ситуации ему еще не доводилось оказываться. Ведь одно дело – вдохновлять команду на научные свершения (этим он занимался постоянно и его пламенные речи никогда не повторялись), и совсем другое – просить помощи в спасении жизни человека, никак к делу не относящегося.

И потом, связи Ортанса были по большей части весьма условно одобряемы законом, Цзиянь являлся иностранцем, а таковых на Бриттских островах особо не жаловали, тем более – ханьцев. А мисс Амелия своими громкими деяниями так и вовсе подрывала устои, что Парламентом осуждалось.

Однако мистер Мирт был уверен, что не справится один.

– Прошу вас, помогите мне если не делом, так советом. Я попал в весьма... щепетильную ситуацию. Вы же помните, что наш маршрут проходит над Эденесбурхом – там конечная точка, и обратно мы вернемся на паровой машине. И нам выдано задание проинспектировать вокзал. Так?

– Все так, – кивнула мисс Амелия. – Что-то изменилось?

– Что-то добавилось, – мистер Мирт снова вздохнул, еще тяжелее, чем в первый раз. – Недавно у меня была тайная аудиенция у мистера Чейсона Уолша.

– И вы не сказали! – воскликнул Ортанс.

– Это не моя тайна, – оправдываясь, воскликнул мистер Мирт. – И вы должны пообещать здесь и сейчас, что дальше

этого ангара то, что я сейчас скажу, не выйдет.

– Вы можете быть уверены в нашем молчании, – проронил Цзиянь.

– Вы же знаете, Мирт, я – могила! – подмигнул Ортанс.

– Конечно, Габриэль, – мягко сказала Амелия.

Ее взгляд и голос словно пытались унять тревогу Габриэля, но даже этого сейчас было мало.

– Мистер Уолш серьезно болен, – понизив голос, начал мистер Мирт. – И он опасается, что болезнь заберет его раньше, чем он сумеет обучить себе преемника. Он руководит Парламентом всего седьмой год, Призыв Просвещения произошел не так давно. И еще эта история с Джеймсом... В общем, он озабочен тем, чтобы подготовить себе замену, слишком поздно. Если честно, я опасаясь, что он не дотянет даже до Мабона...

– Я чувствую в этой истории какой-то подвох, – протянул Ортанс. – Итак, при чем здесь мы?

– Зная, что мы направляемся в Эденесбурх, мистер Уолш попросил меня об услуге.

Повисла тишина.

Все ждали, что мистер Мирт скажет дальше.

Собравшись с силами, он продолжил:

– Никто не знает, где расположены входы в Холмы фаэ, однако я, будучи сам фаэ, могу определить по знакам, где это место. Известно, что фаэ любят Каледонию и что множество входов когда-то располагалось там. Мистер Уолш решил, что

я смогу попасть в Холмы и выпросить для него абаллахское яблоко.

– Пойдите, Мирт, – брови Ортанса поднялись так высоко, что приподнялись гогглы на его лбу. – Это безумие.

– Габриэль, это слишком опасно! – в этот раз мисс Амелия была солидарна с Джоном. – Фаэ ушли, потому что смертные их оскорбили. Что они скажут, заявись вы туда? Мы не можем быть уверены, что вам будут рады только из-за магии в вашей крови!

– Я слышал много легенд о фаэ, – уронил Юй Цзиянь. – О тех временах, когда фаэ еще жили в мире с людьми. Об их шутках над смертными я тоже читал. Время в Холмах идет по-разному, и они бывают жестоки к человеку. Если они развлекались так, когда были в союзе с людьми, что будет теперь?

Мистер Мирт обхватил руками колено.

– Я все понимаю, – сказал он. – Но не могу отказать мистеру Уолшу. Это мой долг – заботиться об интересах Бриттской империи. Если он умрет и не назначит преемника, может начаться хаос. Второго бунта нам не хватало! Я пойду туда, это решено. Но я прошу о помощи.

– Какого рода помощи? – спросила мисс Амелия. – Поймите меня правильно, Габриэль, я очень плохо плету плащи из травы!

– Я хочу, чтобы вы меня подстраховали. Ждали. Я попробую обернуться быстро – найду ближайший вход, явлюсь в

Холмы, попрошу яблоко и вернусь.

– Но они обязательно попросят что-то взамен, – заметил Цзиянь. – Дело даже не в их коварстве, а в банальных навыках дипломатии.

– Наш мистер Мирт особо ничего в обмен не просит, – возмутился Ортанс. – А ведь он самый настоящий фаэ!

– Я вырос среди людей и воспитан как человек, – педантично поправил мистер Мирт. – Технически я не фаэ. Просто... Немного более одаренный и способный человек, как вы все.

– И с самоубийственными наклонностями, – Ортанс покачал головой.

Мисс Амелия смотрела с тихим отчаянием.

– Габриэль, вы ведь уже все решили, да? – спросила она. – Мы не сможем вас отговорить?

Мистер Мирт печально кивнул.

– Тогда я с вами. Буду с вами, что бы вам ни понадобилось, – от этих слов мисс Амелии у мистера Мирта потеплело на сердце.

Ортанс выглядел задумчивым:

– Мирт, но как же... Мы же не летим?

– Не летите? – Мисс Эконит моргнула.

Габриэль торопливо сказал:

– Все в порядке, я не успел вам сказать. Цзиянь боится высоты, и Ортанс остается с ним. У меня возникла идея.

– Ммм? – Ортанс склонил голову к плечу.

– Вы с Цзиянем можете отправиться на паровой машине в Эденесбурх. Мы встретимся там, вместе проведем инспекцию вокзала, и дальше вы будете страховать меня в Холмах.

Ортанс и Цзиянь переглянулись.

– Неплохой расклад, – решительно кивнул Ортанс. – Договорились, Мирт. Так что это за яблоко?

– Не просто яблоко. Яблоко из Абаллаха, таинственного места, где время замерло и царит вечность. Место, легендарное даже для фаэ. Говорят, это яблоко способно исцелить любой недуг. Если оно спасет Уолша и покой Британии, – риск того стоит.

Мисс Амелия вздохнула:

– Это всего лишь легенда. Вы уверены?

– Уверен как никогда, моя дорогая. – Мистер Мирт оглядел собравшихся. – И помните, все, что здесь происходило, – огромная тайна. Если хоть что-то станет известно, быть беде.

– А как же журналист? – спросил Цзиянь.

– Журналист! – побледнел мистер Мирт. – Я совсем забыл о нем! Это все усложняет...

– Какой еще журналист? – Мисс Амелии казалось, что она окончательно потеряла нить беседы.

– Журналист «Вестей Тамессы», кажется, Уотерс. Напросился к нам в полет, и прогнать его нет никакой возможности. Поэтому все детали мы обговорим перед полетом – в дороге у нас не будет никакой возможности для личных бесед.

Сказав так, мистер Мирт с тоской взглянул на мисс Аме-

лию – и ему показалось, что на одно мгновение он увидел в ее глазах отражение этой тоски.

Он моргнул, и наваждение пропало.

– Ну, за работу, господа! – Он вскочил на ноги и хлопнул в ладони: – У нас еще слишком много дел!

ИЗ ДНЕВНИКА ЭВАНА УОТЕРСА

Лунденбурх, май 18 года**

Проклинаю тот день, когда мистер Фэйгрис заставил меня ввязаться в это расследование! Хорошо ему – сидит в теплом офисе, а мне приходится ползать на коленях вокруг амбара в надежде что-то увидеть!

Мистер Мирт больше не пускает меня на порог. Сказал так решительно: «Вы увидите все в день запуска, я разрешаю вам отправиться с нами в полет, но только это!» Вы посмотрите, какой наглец! И как у него язык поворачивается!

Признаться, я обрадовался, увидев в «Панче» ту карикатуру. Это значило, что нашелся-таки смельчак, решивший щелкнуть по носу зазнавшегося Мирта!

Вот только до адресата, судя по всему, щелчок не дошел. Ишь какой гордый!

Я решил, что буду тщательно выписывать в свою записную книжку каждую мелочь, которая могла бы дискредитировать безупречного Габриэля Мирта и его летательный аппарат.

Нет, я ни в коем случае не могу спорить с тем, что он гений. Никто ведь не додумался до паровой машины? А он смог и был первым. И это уже вписало его в историю. Любой порядочный джентльмен на этом уgomонил бы свои тщеславные порывы. Но гордыня мистера Мирта всеобъемлюща.

Решив покорить небо, он бросает вызов всему, что мы знали и во что верили.

И это будоражит публику.

Не скрою – меня тоже будоражит.

Но на борту дирижабля окажется самый строгий критик в мире.

Поберегись, Габриэль Мирт! Теперь о тебе будут говорить только правду – какой бы жестокой и неприглядной она ни была!

Глава 7. Нелегкая доля репортера

Мистер Уотерс сидел в любимом пабе на углу Чарльз-стрит и размышлял, почему эту проклятую детьми Даннан улицу до сих пор не переименовали во что-то приличное. Он всем сердцем поддерживал Парламент и был одним из первых, кто освещал Призыв Просвещения в «Вестях Тамессы». Призыв Просвещения обеспечил ему головокружительную карьеру от обозревателя фестивалей цветов до полноценного гласа города. Именно из-под пера мистера Уотерса выходили все самые остроумные, язвительные и честные заметки обо всем, что могло заинтересовать лундербурхцев.

Потому он был крайне недоволен деятельностью Общества сохранения исторического наследия Лунденбурха, от которой, по его мнению, происходил один вред. И сейчас, отвлекшись от раздражающего мистера Мирта, занимающего его мысли которую неделю подряд, он обдумывал обличительную статью. Публикацией этой он намеревался пресечь деятельность вредоносного общества и открыть наконец публике глаза на неправомерность его деяний.

Когда первая пинта стаута подошла к концу, записная книжка мистера Уотерса была исписана хлесткими обвинениями, яркими оборотами и умопомрачительно точными метафорами. Он представлял, какую великолепную разгромную статью напишет для следующего номера «Вестей Тамес-

сы», и закрывал глаза в предвкушении триумфа. Перед его взором проносились лица председателей общества – неких Симонса и Брока, – с которых будет мгновенно стерто выражение надменного превосходства. О, это будет сокрушительно!

Борьба с Обществом сохранения исторического наследия Лунденбурха занимала мысли мистера Уотерса последние несколько дней настолько плотно, что он на время позабыл о мистере Мирте.

И был этому очень рад – хоть никогда бы не догадался поблагодарить за это Симонса и Брока, – поскольку вместе с мистером Миртом забылись и летательный аппарат, и громадный холодный ангар, и все те унижения, через которые мистеру Уотерсу пришлось пройти в попытках урвать хоть крупицу информации.

Как будто мало было уже того, что бессовестный мистер Мирт отказал ему в доступе в мастерскую. Так не обращаются с репортерами главной газеты Британии! Неужели мистеру Мирту не приходит в его светлую голову, что оттого, что он откажется отвечать на вопросы мистера Уотерса, мистер Уотерс в свою очередь не перестанет писать о нем в своей колонке? Какая чушь!

Жители Лунденбурха были так взволнованы объявлением про летательный аппарат, что буквально завалили редакцию письмами. Каждый требовал объяснить подробности: что такое дирижабль? Как он поднимется в воздух? И зачем вооб-

ще летать в небе?

Мистер Уотерс был журналистом по зову сердца и велению души и верил совершенно искренне – нельзя разочаровывать читателя! Мистер Фэйгрис же активно подогревал в нем веру в эту мысль, отчего рвение мистера Уотерса увеличивалось вдвое. Ну а так как мистер Мирт отказывался давать какие-либо комментарии, кроме тех, что уже прозвучали, мистер Уотерс отвечал на вопросы читателей так, как считал правильным сам.

Мистер Мирт в ярости комкал «Вести Тамессы» и кидал ею в Поупа, требуя перестать приносить ему это мракобесие, потому что он не переживет столь жестокого обращения с бумагой. Но Поуп, воспитанный при королевском дворе, отказывался пренебрегать столь важной для каждого бритта традицией, как утренняя газета к завтраку. Но фантазия мистера Уотерса была весьма ограничена – представить, как что-то такого размера летает в небе, да еще и с людьми на борту, ему никак не удавалось. Потому он снова и снова предпринимал вылазки к ангару, теперь уже тайные. И пытался найти окно или хотя бы щель, сквозь которую может подсмотреть или подслушать ценную информацию.

Как назло, таких окон и щелей было слишком мало, а мистер Мирт отличался поистине звериным нюхом и намеренно натравил на него своего амбала.

Мистер Уотерс с подозрением относился к команде мистера Мирта – суфражистка Эконит его раздражала, но было

хотя бы понятно, что в ней сказывались гены Безумного отца. Старик Гилдерой ведь кончил жизнь в Бедламе! Но что заставило мистера Мирта взять на службу ханыца... Подозрительные они, эти ханыцы, с их раскосыми глазами, жесткими черными волосами и ничего не выражающими лицами. А у этого еще и пол-лица за железным протезом, ну точно в маске. От его вида у мистера Уотерса по спине бежали мурашки.

А амбал-механик, судя по его виду, лучше всего прижился бы среди контрабандистов Улья, но никак не среди приличных людей. Мистер Уотерс пытался навести о нем справки – по всему выходило, что Джон Ортанс возник ниоткуда несколько лет назад. А чем он промышлял до этого – неизвестно!

И вот этого человека с перемазанными машинным маслом руками и с банданой на голове, и с шириной плеч такой, что удивительно, как он вообще проходил в двери, мистер Морт отправил разбираться с мистером Уотерсом, когда ему надоело, что тот что-то вынюхивает около амбара!

Как унинительно это было!

Мистера Эвана Уотерса еще ниоткуда не выкидывали, словно дворовую шавку! Этот Ортанс мало того что позволил себе рукоприкладство (схватил за шиворот сюртука и вел так до дороги!), так он еще и тормознул кеб и очень настойчиво пригласил мистера Уотерса внутрь. А за кеб ему пришлось расплачиваться самому, потому что настойчивое

приглашение к отъезду включало в себя только неласковое запихивание мистера Уотерса в глубь кабины.

Мистер Уотерс так оскорбился, что уже целую неделю игнорировал существование ангара и мистера Мирта.

Общество сохранения исторического наследия Лунденбурха хотя бы обходилось с ним вежливо, как полагается общаться с журналистом, в чьих руках находится репутация каждого гражданина города!

Сейчас – Симонса и Брока! И он, мистер Уотерс, будет заниматься ими, и только ими, не отвлекаясь на всяких мистеров Миртов, тем более что до даты презентации изобретения обществу оставалось меньше месяца.

И тогда уже точно будет не до переименования улиц в соответствии с регламентом Призыва Просвещения, так что мистеру Уотерсу следовало поторопиться.

* * *

Мистер Фэйгрис, в свою очередь, находил их с лордом Дарроу идею в высшей степени провальной.

Нет, карикатура вышла замечательно! Тонкой, ироничной, вопиюще-оскорбительной – какой и полагается быть карикатуре на столь публичную фигуру. Этот Тэмбурн – большой талант, жаль, если разменяет его на пару пенни в «Панче»... Неплохо было бы его переманить...

Мысли мистера Фэйгриса на некоторое время охватили

грандиозные планы по модернизации «Вестей Тамессы» – долой карикатуры, призванные лишь вызывать смех у горожан, ведь можно превратить газету в произведение искусства! Иллюстрировать все яркие события Лунденбурха и...

Здесь мысль мистера Фэйгриса оборвалась, так как он осознал, что первой кандидатурой на роль яркого события в жизни Лунденбурха является проклятый мистер Габриэль Мирт. Вот уж воистину, заноза в пальце, жить не дает!

Мистер Фэйгрис прогнал прочь соблазнительные мысли о переманивании таланта от конкурента (иначе он быстро потерял бы такой хороший рычаг давления на общественное мнение, как мистер Лайм) и отправился в кабинет мистера Уотерса, собираясь устроить маленький локальный допрос.

Да, в городе ничего не изменилось после публикации карикатуры, и мистер Мирт продолжал возиться со своими невероятными механизмами, но что поменялось в нем самом? Может быть, он потерял уверенность в себе? Жаждет славы и поддержки? Это Уотерсу полагалось выяснить.

Поэтому, обнаружив, что мистер Уотерс находится в окружении записок и заметок, посвященных борьбе с Симонсом и Броком, мистер Фэйгрис позволил себе немного разозлиться.

– Уотерс! – Мистер Фэйгрис уперся руками в стол и наклонился над подчиненным с доброжелательно-кровожадной улыбкой, от которой мистера Уотерса немедленно кинуло в дрожь.

– Д-добрый день, мистер Фэйгрис! – благоразумно поздоровался он в ответ. – Не видел вас сегодня с самого утра!

– Да знаете ли, Уотерс, дела, дела... – мистер Фэйгрис нарочито медленно взял одну из записок и сделал вид, что читает.

– О, рад, что вы заинтересовались, сэр! – затараторил мистер Уотерс. – Совершенно недопустимое дело! Видите ли, эти господа, Симонс и Брок, объединили вокруг себя изменников-роялистов! Они отстаивают сохранение прежних названий, например, Чарльз-стрит или Блюбелл-сквер, а зачем эти названия нашему Парламенту? Как напоминание о безумном Блюбелле или о том, почему от нас отвернулись фаз? Не надо нам такого. Я считаю, что под «сохранением наследия» стоит понимать совсем другие вещи. И публика – поверьте! – со мной согласна, это следует из писем, которые приходят после каждой моей колонки...

– Симонс и Брок это, конечно, хорошо, – равнодушно уронил мистер Фэйгрис, никак не проявив интереса к горячей тираде мистера Уотерса. – Но меня интересует Габриэль Мирт.

– Ох, этот Мирт! – Мистер Уотерс скривился: – Чванливый, наглый, избалованный чудаков! Было бы о чем говорить!

– Уотерс! – теперь мистер Фэйгрис почувствовал, что начинает злиться по-настоящему. – Нам есть о чем говорить! Мирт строит проклятый детьми Даннан летательный аппарат и собирается подняться в небо и полететь подобно птице

– а вы говорите, не о чем говорить? Весь Лунденбурх гудит только об этом! Какой Симонс и Брок, если нас ежедневно заваливают письмами и требуют больше подробностей дела! Мне нужны подробности, Уотерс! Вы узнали подробности?!

Отчеканив последние слова, мистер Фэйгрис наклонился так низко, что едва не стукнулся лбом о лоб съездившегося на стуле мистера Уотерса. Щеки его покраснелись так, что он, казалось, вот-вот взорвется.

Еще немного, и понадобилось бы звать мисс Ридженс с ее неизменными сердечными каплями.

– Спокойно, мистер Фэйгрис, все будет! – пробормотал мистер Уотерс, разом растеряв уверенность в себе. – Я буду присутствовать в этом полете! Жертвую своими нервами – и возможно, даже жизнью! – ради репортажа, а вы это не цените!

Мистер Фэйгрис отодвинулся, и к мистеру Уотерсу вернулся кураж.

– Меня, как щенка, вышвырнули в грязь, когда я попытался узнать, как идут дела! Его механик – амбал, настоящий великан, даром что не каменный, вы бы его видели!..

– И где?

– Что?..

– Статья о механике, – мистер Фэйгрис постучал пальцем по его записной книжке. – И обо всех остальных, кто работает с Миртом. Публика знает про Эконит – но ей этого мало. Скормите ей механика на потеху, кто там еще есть, этот ха-

нец, что вечно вертится рядом? Сделайте мне к завтрашнему дню историю о них. Заставьте публику говорить об этом. Мне нужно, чтобы весь Лунденбурх мог думать только о том дне, когда увидит этот аппарат – как там его, дирижабль? – в небе над Биг-Беном!

Сказав так, мистер Фэйгрис для верности стукнул кулаком по столу и покинул кабинет.

Мистер Уотерс проводил его огорченным взглядом. По всему выходило, что такое приятное занятие, как выведение на чистую воду деятельность Общества сохранения исторического наследия Лунденбурха, придется отложить на потом.

Впрочем, мистер Фэйгрис подал ему прекрасную идею, возможно, сам того не желая, – не зря же мистер Уотерс провел столько дней, вынюхивая хоть что-то о Джоне Ортансе!

* * *

Мистер Уотерс в самом деле убрал все свои записки, посвященные Симонсу и Броку, в долгий ящик – а точнее, в нижний правый ящик своего письменного стола. У мистера Уотерса, как у главного репортера «Вестей Тамессы», было определенное преимущество перед прочими трудягами пера. Как только он добился очевидных успехов в репортерском деле и получил собственную колонку, мистер Фэйгрис выделил ему отдельный кабинет. Прочие же журнали-

сты сидели все в одном помещении, по которому невозможно было пройти из конца в конец, не заработав мигрень. Там царил хаос, постоянно щелкали клавиши пишущих машинок, скрипели перья, и бесконечные разговоры прерывались то чьим-то немного истеричным смехом, то совершенно откровенным всхлипом. Мистер Уотерс, из-за того, что наслаждался привилегиями самого талантливого здесь человека, был, к счастью своему, удален от этого грачиного парламента и имел возможность поразмышлять над очередным опусом в тишине.

Освободив место на столе, мистер Уотерс взял с подоконника увесистый «Ремингтон» и перенес его на стол. Тяжесть пишущей машинки в очередной раз заставила его сожалеть о прижимистости мистера Фэйгриса и его патронов: ведь не кто иной, как он сам, недавно писал о появлении совершенно новых, портативных «Ремингтонов», которые можно даже брать с собой в путешествие, не говоря уже о том, чтобы переносить с места на место в кабинете. А как бы такой «Ремингтон» помог ему в полете! Он ведь мог бы тогда отправить в печать статью прямо из Эденесбурха, воспользовавшись срочной почтой! Но придется писать заметки и выпускать репортаж с опозданием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.